

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

МАЙКЛ МАРШАЛЛ АНОМАЛИЯ

РОМАН

Впервые на русском языке!

ЯРОСТНАЯ ПРОЗА ВЫСШЕГО ПОРЯДКА,
ВОСХИТИТЕЛЬНО-ЖУТКАЯ БЛАГОДАРЯ ОСТРЫМ
СЮЖЕТНЫМ ИЗЛОМАМ И ПОСТЕПЕННО
РАСКРЫВАЮЩИМСЯ ТАЙНАМ.

THE DAILY MAIL

Майкл Маршалл Смит

Аномалия

Серия «Аномалия», книга 1

Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48496573

М. Маршалл. Аномалия: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-389-17534-1

Аннотация

Восьмым чудом света называют Большой каньон в Аризоне, и не только из-за грандиозного космического ландшафта. В начале двадцатого столетия здесь было сделано поразительное открытие, способное перевернуть все представления о мировой истории и культуре. Почему же научное сообщество до сих пор упорно не замечает столь сенсационного факта? Не замалчивается ли здесь какая-то тайна? В поисках ответов на эти вопросы археолог-любитель Нолан Мур вместе со своей командой отправляется по следам экспедиции 1909 года в это загадочное место, и в конце концов дерзким исследователям улыбается удача. Находка превосходит все ожидания. Но недаром индейская легенда гласит, что в одной из пещер Большого каньона обитает бог Маасо, страж смерти. Любого человека, посягнувшего на сохранность древней

тайны, подстерегает гибель в подземном лабиринте, населенном таинственными существами...

Впервые на русском языке!

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	58
Глава 7	65
Глава 8	73
Глава 9	78
Глава 10	87
Глава 11	96
Глава 12	112
Глава 13	119
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Майкл Маршалл

Аномалия

Michael Marshall Smith
The Anomaly

Copyright © 2018 by Michael Marshall Smith

Photograph on page 95 © DesertUSA.com

© Е. И. Клипова, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Моему отцу – с любовью и благодарностью за
его неустанную веру и поддержку*

*То, что мы больше всего хотим знать, сильнее
всего желаем постичь, остается непознаваемым и
лежит за пределами нашего понимания.
Джеймс Холлис. Архетипическое воображение*

Пролог

Джордж бросился назад.

Каменный пол под его ногами сотряслся, как будто на него снова и снова опускалось что-то невероятно тяжелое.

Успеет ли?

Он замедлил шаг. Стоит ли оно того? Но, повинуясь какому-то внутреннему импульсу, снова побежал.

– Сэмюэл! – хрипло крикнул он.

И наконец-то услышал ответ. Сдавленный стон, прерываемый глухими рыданиями. Слева, всего в нескольких ярдах.

– Посвети мне! – велел он индейцу Макку, и тот схватил с пола свечу.

Похоже, кроме них, никто не уцелел. Остальные либо погибли, либо заблудились в пещере, и их так и не нашли. Макк двигался позади Джорджа, который на ощупь пробирался туда, откуда доносился звук. Джордж целился в темноту, стараясь держать винтовку ровно, но руки его дрожали от слабости, а нервы были натянуты как струны.

Здесь.

В свете умирающего пламени они увидели скорчившегося Сэмюэла. Зажав в руке какой-то предмет, он что-то царапал им на стене. Нож. Рукоятка в крови, лицо и рубашка тоже перемазаны кровью.

– Боже милостивый, – прошептал Джордж. – Ты что это

делаешь? Пошли, надо срочно выбираться отсюда.

Но Сэмюэл его словно бы и не слышал. Казалось, это безумное, бессмысленное занятие целиком поглотило его.

– Если не поторопимся – мы все здесь умрем.

Макк тоже принялся умолять Сэмюэла подняться, но и его мольбы остались не услышанными.

И вновь из самых недр пещеры донесся крик. Протяжный, заунывный, еще более страшный, чем предыдущий, он мог означать лишь одно: тот, из чьего горла он вырвался, умолк навсегда.

Теряя терпение, чувствуя, что вот-вот поддастся панике, Джордж сделал знак Макку: они схватили Сэмюэла под руки и рывком подняли его с земли.

– Нет! – воскликнул он. – Я должен сперва закончить!

Но они не обращали на его вопли никакого внимания: напрягая последние силы, тащили товарища туда, откуда пришли.

И наконец увидели впереди узкую темно-синюю полосу – за стенами пещеры занимался рассвет.

Но что это за звук?

– Бегите! – простонал Сэмюэл. – Прошу. Бросьте меня!

Джордж еще крепче вцепился в его руку и побежал вперед, увлекая Сэмюэла за собой. И вдруг Макк, который подталкивал Сэмюэла в спину, резко, пронзительно вскрикнул.

Джордж обернулся, но успел увидеть лишь искаженное ужасом лицо индейца. Миг – и тот исчез в темноте.

Умоляя Господа дать им сил и уповая на Его милость,
Джордж с Сэмюэлом мчались вперед, к спасительному свету.

Часть 1

Мы отправляемся в путешествие за Граалем не потому, что хотим его найти. Больше всего нас привлекает само путешествие.

Мартин Шуу. Снежная башня

И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время.

Быт. 6: 5

Глава 1

Хотя Кен вечно гонит как ненормальный, поездка из Лос-Анджелеса до Гранд-Каньона заняла целых шесть часов. Когда мы наконец остановились у отеля, день уже клонился к вечеру, и всем нам, озверевшим от жары, не терпелось поскорее выбраться из машины. Если бы салон «кенмобиля» – так мы называем между собой огромный старый внедорожник «лексус», купленный еще в лучшие времена, – не был под завязку забит сумками с вещами пятерых человек и аппаратурой Пьера (основную часть которой, я уверен, он взял с собой исключительно для того, чтобы пускать пыль в глаза), то четверо из нас провели бы эти долгие томительные

часы со значительно бóльшим комфортом. То обстоятельство, что Кен всю дорогу слушал на полной громкости прогрессивный рок семидесятых, не особенно радовало, однако стоит признать, что лучшего музыкального сопровождения для представших нашим взорам грандиозных видов – всевозможных оттенков красного и коричневого на фоне ярко-голубого неба – и вообразить было нельзя.

Гостиница, расположенная в двадцати милях от Гранд-Каньона, была почти новой и всецело соответствовала нашим ожиданиям: два трехэтажных крыла с одинаковыми, как близнецы, номерами; в центре лобби открытой планировки, с рестораном и баром наподобие тех, что бывают в аэропортах; а снаружи – ничего, кроме парковки и пустыни. Кен вечно выбирает такие отели (бронирование – это по части Молли, но будьте уверены, во всех случаях, когда предполагается расставание с деньгами, последнее слово всегда за ним): и номера дешевые, и баллы за проживание начисляют. Баснословная прижимистость Кена – его главный продюсерский и режиссерский талант: если бы не он, у нас вообще не было бы никакого шоу, а уж сейчас, когда за каждым нашим шагом наблюдает неусыпное око кабельного телевидения, сей дар просто бесценен. Пожалуй, я даже благодарен Кену, который берет на себя все организационные хлопоты, поскольку сам деловой хваткой точно не обладаю. И все же порой я с сожалением думаю, что неплохо было бы хоть изредка снимать наше шоу в более захватывающих де-

корациях, чем асфальтовая дорога, петляющая по бесплодной пустыне.

Итак, мы вывалились из машины, похрустывая затекшими суставами, охая и рыгая.

А теперь позвольте представить нашу команду.

Кен. Возраст – пятьдесят с чем-то, с чем именно – тайна, которую сам он по какой-то неведомой причине тщательно оберегает. Это пузатый лысеющий брюнет с физиономией престарелого мопса. В незапамятные времена переехал сюда из Англии (есть подозрения, что причиной тому явились нелады с законом на родине), сперва перебивался рекламными роликами и клипами, а в начале девяностых снял несколько ужастиков, которые даже принесли кое-какие деньги. Сегодня его единственный проект – шоу «Аномальные материалы»; это, по собственному признанию Кена, есть наглядное доказательство того, что его счастливая звезда угасла окончательно и бесповоротно.

Молли, помощница Кена. Возраст – двадцать восемь лет. Уверена в себе и привлекательна, как истинная дочь Южной Калифорнии, и явно достойна лучшей доли. В одной руке у нее айфон, с которым она даже во сне не расстаётся, в другой – огромная папка, а улыбается Молли обычно так, что сразу становится ясно: лучше делать то, что она говорит.

Пьер, наш оператор. Возраст – двадцать пять или около того. До неприличия хорош собой. Почему его зовут Пьер, понятия не имею: сам он не француз и французов у него в

роду не было, на языке Гюго и Дюма наш оператор не говорит и даже во Франции ни разу не был (я специально уточнял). Пьер убежден, что в Голливуде его ждут не дождутся, и однажды, когда он окончательно меня доведет, я поведаю ему историю о том, что такое этот хваленый Голливуд на самом деле. Но не сейчас, поскольку на данный момент самое раздражающее в Пьере – это его трудолюбие и очевидный талант, коими все его предшественники были напрочь обделены. А кроме того, родители у Пьера люди небедные, поэтому вся аппаратура – его собственная, самая передовая и навороченная. И за это Кен его любит – насколько Кен вообще способен любить кого-то, кто не предлагает ему деньги или выпивку.

И наконец, временное дополнение к нашей честной компании – женщина, с которой я познакомился только сегодня утром, когда «кенмобиль» остановился у ее неприметного домишки в Бербанке. Бледная тихоня, этакое «дитя цветов» нового образца: мешковатая одежда, туфли из конопляной ткани и анкх на шее. У меня до сих пор язык не поворачивается называть ее Фезер¹ – ну и имечко! Однако, как выяснилось, ее действительно так зовут.

Кто там еще у нас остался? Ах да, ваш покорный слуга.

Однако я парень скромный и о себе писать, пожалуй, не стану.

¹ Feather – перо (англ.).

Под предводительством Молли мы вошли в отель. Первым, само собой, зарегистрировали Кена. Он приказал Молли распорядиться насчет доставки его багажа в номер и заявил, что через час ждет нас всех в баре, куда незамедлительно и отправился. Начать пить за час до общего сбора – это для Кена священная традиция, нарушить которую он смог бы разве что под страхом смерти.

Следующими в очереди были Пьер и Фезер. Покончив с формальностями, они вместе побрели к лифту, причем Пьер увешался с головы до ног черными сумками с оборудованием. Он никогда не оставляет их в машине – якобы оттуда их могут выкрасть. Но по мне, так дело в другом: скорее всего, он таскает эти причиндалы с места на место для того, чтобы лишний раз похвастаться своими накачанными бицепсами.

Наконец пришел и мой черед. Я встал рядом с Молли и улыбнулся девушке-администратору.

– Привет, Ким. – Это имя я прочел у нее на бейдже. – Как дела?

Мои слова не произвели желаемого эффекта: Ким нахмурилась. Однако я тут же сообразил, что она просто пытается что-то вспомнить. И в итоге ей это удалось.

– Ого, – сказала девушка. – Так это вы.

– Что?

– Ну да, так и есть, – кивнула она. – Вы тот археолог с «Ютуба». Неразгаданные тайны и всякая мистика. Я вас сразу узнала.

Такое, прошу заметить, не каждый день случается. Я расплылся в чарующей улыбке и пожал плечами. Если бы в Википедии имелась статья под названием «Нечеловеческая скромность», моя фотография в этот момент была бы лучшей к ней иллюстрацией.

– Ну вот, раскусили, – сознался я. – Да, я Нолан Мур.

– Надо же. Отец ваше шоу терпеть не может.

– Вот как? Это почему же?

– Он настоящий археолог. Раньше ездил в экспедиции, а теперь преподает в Университете Северной Аризоны. Мой папа жутко умный. Если он что-то говорит, значит так оно и есть.

– Не сомневаюсь. Жаль, что наша программа ему не по душе. Теперь я могу зарегистрироваться?

Она застучала по клавиатуре, глядя в монитор.

– Что-то я нигде не вижу Нолана Мура.

– Это потому, что я забронировал номер на имя Рональда Бартса.

– С какой стати?

– Долго объяснять.

Вообще-то, история предельно короткая. Когда-то, еще в прошлой жизни, у меня был приятель, известный в ту пору актер. Мы иногда встречались, чтобы пропустить по стаканчику, и он рассказал мне, как на заре своей карьеры заселялся в гостиницы всякий раз под новым именем. Это давало ему ощущение, что он звезда, путешествующая инкогнито.

Я тоже начал так делать, нередко – как сейчас, например, – убеждаясь в том, что это чертовски идиотская затея, особенно если тебя занесло за пределы Голливуда.

– Мне нужно удостоверение личности на это имя.

– У меня его нет.

Ким подняла на меня взгляд и улыбнулась без тени сожаления.

– Молли, – сдался я, – разберись сама с этим дерьмом, ладно?

И рассерженно затопал к выходу, чтобы перекурить.

Глава 2

Первым делом я принял душ, потом прогулялся по соц-сетям и ответил на мало-мальски осмысленные комментарии, коих на странице нашего канала почти не бывает. Следующие полчаса я провел за еще более бездарным занятием: бродил по парковке, курил не переставая и осматривал окрестности, то есть пустыню, которую оживляли лишь редкие чахлые кустики да огоньки далекой заправки, поблескивающие в закатных сумерках. Ровно в семь я вернулся в отель, готовый подкрепиться.

Кен и Молли восседали на диванчике за центральным столиком. Во время рабочего процесса эти двое всегда держатся вместе, главным образом для того, чтобы хором кричать «нет!» каждый раз, когда меня внезапно осеняет какая-нибудь действительно стоящая мысль. Напротив них крутилась на стуле Фезер, обуреваемая жаждой деятельности. Пьер еще не появился: либо не устоял перед местным тренажерным залом, либо медитирует в номере. Как сам он неоднократно хвастался, водятся за ним такие слабости. И как только я до сих пор не вlepил ему затрещину – ума не приложу.

Увидев меня, Кен поднял руку, показывая два пальца. Я перевел взгляд на девушек: Молли мотнула головой, а Фезер улыбнулась, ничего не понимая. Разумеется, в баре была официантка, но если Кену хочется еще водки, то ждать

он не намерен, и тогда обязанности официантки ложатся на меня, несмотря на мой, пусть и теоретический, статус главной звезды шоу. По любым вопросам, связанным с работой, Кен мучает Молли, однако выпивка – это не работа, поэтому, когда Кену приходит время заправиться очередной дозой алкоголя, Молли даже не пошевелится. Вот такая сложная иерархия внутри маленького коллектива. Мой скудный ум не в состоянии постичь все эти тонкости, поэтому я просто делаю то, что велено.

Пока бармен наполнял стаканы, я изучал местную публику: парочки обсуждали завтрашние экскурсии по каньону, семейство из четырех человек мирно жевало одинаковые гигантские бургеры, одиночки спасались от скуки и неловкости, уткнувшись в смартфоны. На другом конце стойки какая-то худышка с рыжими волосами, собранными в задорный хвостик, бойко стучала по клавиатуре ноутбука. Улыбнувшись так, словно я ее забавляю, она демонстративно отвела глаза в сторону. Я тоже в долгу не остался: намеренно не глядя на нее, дождался заказа и ушел.

Молли за столиком не было: она расхаживала по лобби взад-вперед, что-то рывая в айфон. Молли ведет дела с непробиваемой учтивостью, однако, как показывает практика, все, кто не желает играть по ее правилам, впоследствии горько в этом раскаиваются.

– Накрылась наша лодка, – сообщил Кен.

– В смысле?

– Утонула во время экскурсии. Но проблема решается.

– Это я вижу.

– Надеюсь, ты подготовился?

Я развел руки в стороны, всем своим видом демонстрируя неуместность данного вопроса.

– Это хорошо, – терпеливо продолжил Кен. – А на самом деле?

Я постучал пальцем по виску:

– Всё здесь.

Он вздохнул:

– Это здорово, приятель, но скажу тебе то же, что и всегда: я предпочел бы увидеть твой текст на бумаге.

– Ты ведь знаешь: я больше так не работаю.

– Знаю, увы. А что с тобой случилось, напомни?

– Я завязал с текстами на бумаге.

– Засранец ты. Ну да ладно. – Он коснулся своим стаканом моего. – Предлагаю тост. Пусть нам удастся забить еще один гвоздь в крышку гроба общепринятых истин и мерзопакостных интересов сами знаете кого – и при этом не выйти за рамки бюджета.

– Присоединяюсь, – встрепенулась вдруг Фезер и тоже подняла бокал.

Мы чокнулись.

Когда Пьер наконец появился, он выглядел до отвращения умиротворенным. Кен, Молли и я дружно замахали ему руками. Пьер сразу сообразил, что от него требуется, и по-

слушно отправился к стойке. Про себя я отметил, как девица с хвостиком на него посмотрела, – это был оценивающий взгляд истинного знатока.

Фезер тем временем не сводила с меня сияющих глаз.

– Не хочу показаться фанатичной... – начала она, – хотя... чего уж там, я ведь и есть самая настоящая фанатка. Я просто обожаю вашу программу. Вы делаете безумно важное дело, Нолан, спасибо вам за это.

– Ну что вы, это мы вас должны благодарить, – заверил я ее с неожиданной для себя самого горячностью.

– Так здорово, что я могу вам в чем-то помочь, – откликнулась она. – Я очень рада.

– Хотелось бы знать, чем именно занимается фонд Палинхема, – сказал я, стараясь, чтобы мои слова прозвучали так, будто я в курсе всего, кроме пары незначительных деталей. На самом же деле я не знал об этом фонде ровным счетом ничего. Наши новые спонсоры вели переговоры напрямую с Кеном, и, скорее всего, он согласился, даже не выслушав их толком. Он взял бы деньги от кого угодно, будь это хоть активисты Национальной стрелковой ассоциации, если бы те пообещали ему полную свободу действий. И дали винтовку. Без денег фонда – и его контрольного пакета акций кабельной сети «Ньюэр уорлд» – мы никогда бы не пробились на телевидение. И потому моей главной задачей на ближайшие дни было плясать вокруг Фезер, о чем Кен без устали мне напоминал.

– Ищем правду, – тихо ответила Фезер. – Вот чем мы занимаемся.

– Даже не сомневаюсь, но... можно поточнее?

– Мы делаем то же, что и вы, Нолан. В каждом выпуске «Аномальных материалов». Нам нужен убедительный голос в борьбе с учеными, правительством и либеральными автократами, ведь они навязывают нам ложное представление о мире и об истории человечества, на корню уничтожая любые неудобные им идеи.

Я не особо понимал, кто такие «либеральные автократы» – хотя складывалось впечатление, что дорогу этим ребятам переходить не стоит, – но все же тепло улыбнулся и поддакнул:

– В точку.

– И все-таки, – вмешался Кен, – откуда у фонда деньги? Нет, солнышко, пойми меня правильно, мы очень благодарны вашей конторе за помощь и все такое. Просто любопытно.

– Сет Палинхем был промышленным магнатом, – начала объяснять Фезер. В ее устах это прозвучало как «законченный алкоголик». – Десять лет назад он умер. К счастью, незадолго до смерти Палинхем осознал, что наш мир больше и глубже привычных представлений о нем. И основал фонд, чтобы спонсировать исследователей, разделяющих такие же взгляды. Для меня это первый проект. Так здорово находиться здесь, с вами.

– А мы, со своей стороны, очень рады, что ты к нам присоединилась, – произнес Кен, добросовестно копируя мою радушную манеру. Хотя я-то помню, как его трясло, когда он узнал, что первый выпуск нового сезона мы будем снимать в присутствии представителя спонсоров: он разразился нескончаемым потоком таких шедевральных, мощных по изобразительной силе ругательств, каких в этом мире еще не слышали и навряд ли когда-нибудь услышат снова. Жаль, у меня не было с собой диктофона.

– От всей души надеюсь, Фезер, что вы не заскучаете, – сказал я. – Съёмочный процесс – дело не всегда захватывающее: иногда приходится просто сидеть и ждать.

– Не заскучаю ни на минуту, я уверена. Мне не терпится приступить к работе, – выпалила Фезер. – Влиться в команду. Вы ведь поручите мне какое-нибудь задание?

– Не переживай, душа моя, – успокоил ее Кент. – Поручим обязательно. Молли точно найдет, чем тебя занять.

Я представил возможные «задания» от Молли: принеси ненужную штукину; унеси ненужную штукину; поделись своим мнением по ерундовому поводу; не путайся под ногами.

В этот момент сама Молли с довольным видом плюхнулась на диван. Кен встретил ее широкой ухмылкой.

– Ну и? Будет у нас обещанная лодка?

– Нет, – отрезала Молли. – Будет другая, больше и лучше. И за ту же цену.

– Умница моя.

– Проводник тоже другой, но, кажется, более опытный, чем предыдущий. Так что и здесь удача.

– Отлично. Хотя... к чему нам проводник, если у нас есть Нолан?

С этими словами он подмигнул Молли, и та подмигнула в ответ. Ну надо же, какая искрометная шутка!

Пьер вернулся не только с напитками, но и – к моему великому неудовольствию – в компании рыженькой ноутбучицы. Я, конечно, видел его в деле, но это был явно рекорд по скорости.

– Ваш заказ, – сказал он с невозмутимым видом. – А это – Джемма.

– Замечательно, – ответила Молли. – А мой стакан где?

Пьер закатил глаза и снова направился к стойке. Ноутбучица, брошенная на произвол судьбы, ничуть не смутилась и продолжала стоять, с улыбкой глядя на нас сверху вниз.

Кто-то должен был нарушить затянувшееся молчание.

– Приятно познакомиться, Джемма, – сказал я, поднимаясь и протягивая ей руку.

– Взаимно, Нолан. – Ладонь у нее была прохладная. – Давно хотела написать статью о вашем шоу.

Кен и Молли отодвинулись, предлагая Джемме сесть между ними, но она устроилась на стуле рядом со мной.

– Почему ты сразу не заговорила со мной у барной стойки? – спросил я.

– Про Гейзенберга слышали?

Кен наморщил лоб:

– Это мужик из сериала «Во все тяжкие»?

Джемма засмеялась:

– Да нет же. Просто мое присутствие неизбежно повлияет на динамику вашей маленькой команды. Поэтому я хотела понаблюдать со стороны, прежде чем к вам присоединиться, понять, что вы представляете собой как единое целое.

Мы с Кеном переглянулись. Выражение его лица осталось неизменным, лишь левая бровь чуть заметно приподнялась. Что означало: с этой девицей держи ухо востро.

Мы болтали, пили, ели гамбургеры и клаб-сэндвичи с картошкой фри.

– Ну все, засранцы! – прогремел Кен, когда время подошло к десяти, и решительно поднялся с дивана. Ведро крепкого алкоголя, которое он влил в себя за вечер, как обычно, никак на него не повлияло, разве что его голос стал процентов на двадцать громче, а сам Кен начал казаться процентов на десять шире. – Приключение начинается уже завтра, так что объявляется отбой. Подъем в пять, и чтобы в шесть все до единого стояли у машины. Кто опоздает – побежит на своих двоих.

Мы послушно засобирались.

– Если ты не против, – обратилась ко мне Джемма, – хочу задать тебе пару вопросов...

– Завтра, – оборвал ее Кен. – На сегодня у Нолана есть дела поважнее.

– У нас впереди целых два дня, – заверил я девушку, стараясь вложить в голос все обаяние, на которое был способен. Подействовало оно на Джемму или нет, сказать было сложно: она лишь вежливо улыбнулась и ушла.

Кен гоготнул – он обожает изображать плохого полицейского, – и мы вдвоем двинулись на улицу покурить.

– Не понимаю, что ты имеешь против Джеммы, – сказал я, когда мы остановились на парковке. – Разве плохо, если на сайте, который читает полмиллиарда человек, опубликуют статью об «Аномальных материалах»?

– Публичность не всегда хорошая штука, Нолан.

– Но я ведь предварительно каждое слово проверю: у нас все будет под контролем.

– Да какое там под контролем! Джемме достаточно нажать на кнопку на своем ноутбуке, и уже через две секунды кривая статья с кучей недостоверных данных появится на сайте. К тому моменту, как мы заставим редактора Джеммы убрать это позорище, оно уже станет достоянием общественности.

– Ну да, пяти человек, которым есть дело до такой ерунды, как наше шоу.

– Их уже больше десяти, – возразил Кен. – Твоя популярность растет, Нолан. Но наши преданные фанаты – эти повернутые на теориях заговора бедолаги – волнуют меня в последнюю очередь. Если «Аномальные материалы» распинаят

приличный, всеми уважаемый сайт новостей, это будет свидетельствовать лишь о том, что мы и впрямь на верном пути. Это беспроигрышная лотерея. К тому же нам не привыкать. Помнишь разгромную статью в «Медиа блиц»?

– Ту, после которой я долго не вылезал от психотерапевта? И вспоминать не хочу.

– Да уж. И тем не менее мы выжили. А вот о чем я действительно волнуюсь, так это о том, чтобы фонд Палинхема не сорвался с крючка.

– Все будет хорошо, – пообещал я.

– Нет, балбес, все должно быть просто идеально. – Голос Кена стал серьезным. – По какой-то неведомой причине, выяснять которую я и пытаюсь не буду, судьба бросила нам здоровенную сочную кость. У нас есть одна-единственная возможность попасть на кабельное ТВ, и если мы ее упустим – это конец. Имей в виду, Нолан: если нас снова отбросит назад, на «Ютуб», – я умываю руки.

Я собрался было пошутить в ответ, но Кен не дал мне и слова сказать.

– Прости, приятель. Все это, конечно, весело, но выхлопа мне едва хватает на водку и порнуху. Поэтому мне было бы спокойнее, если бы каждый раз, как вам с этой Джеммой приспичит поболтать, кто-нибудь из нас двоих, я или Молли, не отходил от вас ни на шаг – чтобы ты не сморозил какую-нибудь глупость. Да только и это навряд ли поможет. Поэтому просто повторяй за мной: «Я сделаю все как надо

и не облажаюсь».

– Но, Кен...

– Повторяй, кретин.

– Я не облажаюсь, папочка, – пропищал я.

Он вздохнул:

– Теперь иди и потрудись на славу. А потом постарайся хоть немного поспать. Завтра тебе весь день скакать по горам и работать на камеру, так что было бы славно, если бы ты не выглядел как труп.

В вестибюле Джемма и Фезер ждали лифт. До меня донеслись слова Фезер:

– Кстати, о Гейзенберге: он предложил принцип неопределенности, а ты, скорее всего, имела в виду эффект наблюдателя. Надеюсь, я внесла ясность.

Пока Джемма молча хлопала ресницами, Фезер мило улыбалась.

Что ж, еще немного – и Фезер, пожалуй, мне даже понравится.

EXPLORATIONS IN GRAND CANYON

Mysteries of Immense Rich

Cavern Being Brought
to Light.

JORDAN IS ENTHUSED

Remarkable Finds Indicate
Ancient People Migrated
From Orient.

The latest news of the progress of the explorations of what is now regarded by scientists as not only the oldest archaeological discovery in the United States, but one of the most valuable in the world, which was mentioned some time ago in the Gazette, was brought in the city yesterday by Dr. E. Kinkaid, the explorer who found the great underground city of the Grand Canyon during a trip from Glen River, Wyoming, down the Colorado, in a wooden boat, in Yuma, several months ago. According to the story related yesterday to the Gazette by Dr. Kinkaid, the archaeologists of the Smithsonian Institute, which is financing the explorations, have made discoveries which almost conclusively prove that the race which inhabited this mysterious cavern, known in olden times by human hands, was of oriental origin, possibly from Egypt, tracing back to Sumeria. If their theories are correct, the discovery of the tablets engraved with hieroglyphs will solve the mystery of the prehistoric peoples of North America, their ancient arts, who they were and whence they came, will be solved. Egypt and the Nile, and Arizona and the Colorado will be linked by a historical chain running back to ages which stagger the wildest fancy of the fictionist.

A Thorough Investigation.
Under the direction of Prof. S. A. Jordan, the Smithsonian Institute is now prosecuting the most thorough explorations, which will be continued until the last link in the chain is forged. Nearly a mile underground, about 1500 feet below the surface, the long main

feet ventilation of the cavern, the direct draught that blows through, indicates that it has another outlet to the surface.

Mr. Kinkaid's Report.
Mr. Kinkaid was the first white child born in Idaho and has been an explorer and hunter all his life, thirty years having been in the service of the Smithsonian Institute. Even briefly recounted, his history sounds fabulous, almost grotesque.

"First, I would impress that the cavern is nearly inaccessible. The entrance is 1400 feet down the sheer canyon wall. It is located on government land and no visitor will be allowed there under penalty of trespass. The scientists wish to work unmolested, without fear of the archaeological discoveries being disturbed by curio or relic hunters. A trip there would be fruitless, and the visitor would be sent on his way. The story of how I found the cavern has been related, but in a paragraph: I was journeying down the Colorado river in a boat, alone, looking for mineral. Some forty-two miles up the river from the M. Tovar Crystal canyon I saw on the east wall, stains in the sedimentary formation about 2000 feet above the river bed. There was no trail to this point, but I finally reached it with great difficulty. Above a shelf which led it from view from the river, was the mouth of the cave. There are steps leading from this entrance some thirty yards to what was, at the time the cavern was inhabited, the level of the river. When I saw the chief marks on the wall like the entrance, I became interested, secured my gun and went in. During that trip I went back several hundred feet to the main passage. On I came to the crypt in which I discovered the mummies. One of these I stood up and photographed by flashlight. I gathered a number of relics, which I carried down the Colorado to Yuma, from whence I shot them to Washington with details of the discovery. Following this, the explorations were undertaken.

The Passages.
The main passage is about 13 feet wide, narrowing in 5 feet toward the farther end. About 25 feet from the entrance, the first side-passages branch off to the right and left, along which, on both sides, are a number of rooms about the size of ordinary living rooms of today, though some are 20 or 40 feet square. These are entered by oval-shaped doors and are ventilated by round air spaces through the walls into the passages. The walls are about 3 feet 5 inches in thickness. The passages are entered or begun as straight as could be laid out by an engineer. The ceilings of many of the rooms converge to a center. The side-passages near the entrance run at a sharp angle from the main hall, but toward the rear they gradually reach a right angle in direction.

The Shells.
"Over a hundred feet from the entrance is the cross-hall, several hundred feet long, in which was found the idol, or image of the people's god, sitting cross-legged, with a lotus flower in his right hand. The east of the

EXPLORATIONS IN GRAND CANYON

(Continued from Page One.)

which indicates that some sort of ladder was required. These granaries are rounded, and the materials of which they are constructed, I think, is a very hard cement. A gray metal is also found in this cavern, which puzzles the scientists, for its identity has not been established. It resembles platinum. Silver pieces were seen all over the cavern, some of which people call 'vats' or 'vats' or 'vats', a few steps of no great value. Each one is engraved with a head of the Hindu type.

The Hieroglyphics.

"The all the signs on walls over doorways, and tablets of stone which were found by the image are the Egyptian hieroglyphs, the key to which the Smithsonian Institute hopes yet to discover. These writings reveal the story on the walls about this valley. The carvings on the tablets probably has something to do with the religion of the people. Similar hieroglyphics have been found in the pyramids of Turan, but these are not the same as those found in the west. Some believe that these race dwellers built the old canals in the Salt River valley. Among the pictorial writings, only two animals are found. One is of prehistoric type.

The Crypt.

"The touch of crypt in which the skeletons were found is one of the

contains a deadly gas or chemicals used by the ancients. No sounds are heard, but it smells rankly just the same. The whole underground institution gives one of shaky nerves the creeps. The room is like a weight on one's shoulders, and our flashlights and candles only make the darkness blacker. Imagination can revel in conjectures and ungodly day-dreams through the ages that have elapsed till the mind reels dizzily in space."

An Indian Legend.

In connection with this story, it is notable that among the Hopis the tradition is told that their ancestors once lived in an underground in the Grand Canyon till darkness arose between the good and the bad, the people of one heart and the people of two hearts. Macginitie, who was their chief, convinced them to leave the underworld, but there was no way out. The chief then caused a tree to grow up and pierce the roof of the underworld, and then the people of one heart climbed out. They carried by Pinalene (Red river), which is the Colorado, and grew grain and corn. They sent out a messenger to the Temple of the Sun, asking the blessing of peace, good will and rain for the people of one heart. That messenger never returned, but today at the Hopi village at sundown can be seen the old men of the tribe out on the balconies gazing toward the sun, looking for the messenger. When he returns, their lands and ancient dwelling place will be restored to them. That is the tradition. Among the engravings of animals in the cave is seen the image of a bear over the spot where it is located. The legend was learned by W. E. Rollins, the artist, during a year spent with the Hopi Indians. There are two theories of the origin of the Egyptians. One is that they came from Asia; another that the racial cradle was in the upper Nile region. However, an Egyptologist, believed in the Indian origin of the Egyptians. The discoveries in the Grand Canyon may throw further light on human evolution and prehistoric ages.

года

Глава 3

Я выпил несколько стаканов воды и, безуспешно провозившись с кондиционером, который явно решил заморозить меня насмерть, уселся за стол. Набросок текста был почти готов, но мне нравится править свою писанину в самый последний момент. Этот пост прочтет немало народа, можно даже не сомневаться: нашу рассылку получают более 30 000 человек, а в «Твиттере» у шоу уже 93 211 почитателей (не то чтобы я ежеминутно проверяю их количество). Не самые впечатляющие цифры, конечно, но есть основания надеяться, что они взлетят до небес, как только мы появимся на кабельном ТВ. Можно сколько угодно разглагольствовать о том, что наш главный зритель – то есть подсевшая на смартфоны молодежь – выбирает «Ютуб», однако правда такова: да будь ты хоть трижды профессионал, никто не станет воспринимать тебя всерьез, пока ты не займешь место в эфирной сетке какого-нибудь телевизионного канала.

Кен прав: нам выпал один шанс на миллион, а потому необходимо сделать все как надо. Но так ли уж важно указывать в заголовке поста точные дату и время? Я всегда говорил себе, что это создает у читателя ощущение достоверности материала, и, возможно, так оно и есть. А возможно, я просто заигрался в серьезного журналиста, ведущего серьезное расследование, и это нужно лишь мне самому. Как бы то

ни было, пора!

Я закатал рукава и принялся набирать текст – последнюю весточку из мира, который совсем скоро изменится навсегда.

День 1: затишье перед бурей

Я сижу в номере отеля, расположенного в двадцати милях от Гранд-Каньона. Из окна мне видны фонари парковки, а за ее пределами простирается бескрайняя пустыня, погруженная в непроницаемый мрак, – территория, не предназначенная для человеческого взора и скрывающая – я верю в это – великие тайны, которые лишь ждут своего часа.

Мы добирались сюда почти целый день, и сейчас, как и всегда перед началом экспедиции, меня переполняют два чувства: предвкушения и ответственности. Ведь я знаю, сколь многие из вас разделяют мою убежденность в том, что мир намного интереснее, нежели нам позволено думать, и людям попросту не хватает фактов, проливающих свет на чудеса нашей страны, нашего биологического вида, нашей планеты... на которой предостаточно неизведанных уголков и удивительных загадок.

Но пока давайте взглянем на те факты, что у нас уже есть.

5 апреля 1909 года «Феникс газетт» – на то время одно из самых известных и уважаемых новостных изданий Аризоны – опубликовала на первой полосе статью под заголовком «ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ ОТКРЫТИЯ В ГРАНД-КАНЬОНЕ». Это был подробный рассказ охотника и исследовате-

ля Г. Э. Кинкейда о недавней экспедиции, организованной Смитсоновским институтом и возглавляемой неким профессором С. А. Джорданом. Их группа направилась к месту, обнаруженному Кинкейдом ранее, когда он в поисках залежей полезных ископаемых сплавлялся вниз по реке Колорадо (и слово «вниз» имеет здесь решающее значение, в чем вы сами убедитесь в ближайшие два дня).

Он плыл себе и плыл, как вдруг, примерно посередине отвесной скалы высотой в 3000 футов, увидел зияющую дыру. Добравшись до нее, исследователь понял, что это вход в пещеру, недра которой находятся чуть ли не на полмили ниже уровня пустыни. В пещере Кинкейд осмотрелся, подобрал несколько реликвий и впоследствии отправил их в Вашингтон. Эти находки так поразили Смитсоновский институт, что там тут же снарядили экспедицию с профессором Джорданом во главе.

В Гранд-Каньоне хватает пещер: та же пещера Стэнтона, к примеру, в которой не только обитают невероятные летучие мыши с огромными ушами, но и лежат фигурки, сплетенные из веточек, и бусины, которым 4000 лет, а еще там есть останки гигантских кондоров и горных козлов, чей возраст и того внушительнее – 10 000 лет. Но пещера Кинкейда порадовала исследователей не веточками или костями.

В ней обнаружилось... нечто поразительное.

Однако... уже поздно, а вставать завтра ни свет ни заря, поэтому я просто дам вам ссылку на оригинальную статью

(вот она). Прочтите сами и узнаете, какое удивительное открытие ждало исследователей в пещере Кинкейда. Открытие, которое мировое археологическое сообщество до сих пор упорно не замечает или же поднимает на смех.

Решайте сами, что перед вами: пустышка или правдивый рассказ о подвиге бесстрашных, обладающих пытливым умом исследователей прошлого столетия, которые доказали, что в незапамятные времена Северную Америку посещали представители иной культуры. Идолы, артефакты, гробница, в которой якобы побывали Кинкейд и компания – и которую с тех пор больше никто не видел, – что это? Плод чьей-то фантазии или... правда?

Правда, которую от нас скрывают?

Что любопытно: в Смитсоновском институте утверждают, будто ни о каком Кинкейде они и слыхом не слыхивали, да и профессора Джордана там отродясь не бывало. Однако нас этим не удивишь: как мы помним из предыдущих выпусков «Аномальных материалов», сей институт всегда либо отмалчивается, либо делает «противоречивые заявления», когда речь заходит о чем-то, что не вписывается в концепцию интересов, которую данное заведение изначально призвано защищать.

Вопросы. Сомнения. Правда, скрытая за пеленой тумана. Лично мне не хочется прожить всю жизнь в тумане, и, судя по вашим комментариям здесь, в «Твиттере» и «Инстаграме» (ссылки даны внизу), вам тоже. Поэтому завтра мы сно-

ва попытаемся прорваться сквозь эту дымовую завесу и доказать, что дыма без огня не бывает.

Мы отправимся на поиски пещеры Кинкейда.

Да, это будет непросто. Мы нарушим закон, спустившись в каньон по тропе, закрытой для туристов (кстати – почему?). Я тщательно проанализировал данные первоисточника и пришел к выводу, что пещера находится не там, где ее пытались отыскать до нас, а в совершенно другом месте, куда я завтра и поведу свою группу.

Увенчаются ли наши попытки успехом? Это мне неизвестно. Но одно я знаю наверняка: в поисках истины это не столь уж и важно.

Главное – продолжать искать.

Однако пора закругляться. Мы выдвигаемся с первыми лучами солнца. Начнем с того, что спустимся по опасной тропе...

Я протер глаза.

Метафора с туманом и дымом никуда не годится, слишком неуклюжая. Где интрига, где будоражащее воображение обещание тайны и облачка звездной пыли? Если хочешь продать сказку – сначала поверь в нее сам.

А я не верил.

Для ощущения чуда мне не хватало кофе и сигареты – и именно в таком порядке: я рассудил, что, если сначала налить чашку горячего кофе, в курилке меня ждет двойное

удовольствие. Вот и пусть теперь кто-нибудь скажет, что я не умею планировать на два шага вперед.

Пока готовился кофе, я пробежался по тексту и исправил несколько опечаток, а потом зашел в «Твиттер», чтобы ответить на комментарии. С прошлого раза их накопилось немного, так что управился я за пару минут. Правда, если быть совсем уж честным, их и раньше было всего ничего.

Ну да скоро это изменится. Вот увидите.

Кофеварка зашлась кашлем, как чахоточный старикашка, значит кофе будет готов через минуту. К сожалению, на эту минуту у меня не было никаких планов, поэтому я сделал то, чего обещал себе не делать ни под каким предлогом.

Я вбил в поле поиска имя пользователя.

Страница быстро загрузилась. Чувствуя себя взломщиком, я начал лихорадочно прокручивать ее вниз, мельком просматривая лаконичные, талантливо написанные твиты. Я всегда успокаивал себя тем, что мы с Кристи просто работаем на разные целевые аудитории, однако на самом деле, чего уж греха таить, у нее просто лучше, чем у меня, получается выражать свои мысли в формате «Твиттера». Да и вообще в принципе выражать свои мысли, если уж быть до конца откровенным.

В последний раз, когда я поддался искушению зайти на ее страницу, то есть несколько недель назад, аватарка была другой. На новом фото Кристи была запечатлена на фоне дикого заснеженного ландшафта. Выглядела она целеустремленной

и решительной, но в то же время хрупкой и беззащитной.

В твите содержалась ссылка на новость, опубликованную всего два дня назад на основном сайте Кристи. Читать это сейчас было выше моих сил, поэтому я загрузил страницу в телефон. Посмотрю потом. А точнее, никогда.

Я вернулся в самое начало страницы. Судя по последним фотографиям, Кристи путешествовала по холодным и неприятным местам. Вместо того чтобы строить догадки, можно было просто прочитать описание под каждым фото, но я не стал этого делать.

К чему мне знать, где она?

С кружкой кофе в руке я спустился на парковку и встал в самом непримечательном ее углу. В силу своего пристрастия курильщики частенько выбирают такие закоулки, в которые большинству людей даже в голову не придет заглянуть, и поэтому становятся свидетелями удивительных тайн, не доступных глазу простых обывателей. Как-то раз я попытался втолковать Кену, что это отличная метафора для «Аномальных материалов», но он ничего не ответил – только пристально посмотрел на меня, а потом развернулся и ушел.

На улице не на шутку похолодало, и до меня вдруг дошло, что для ночевки в каньоне необходим свитер потолще. Жаль, я не догадался его с собой прихватить. А ведь есть же на свете люди, у которых со смекалкой все в порядке. Завидую я им.

Я выкурил почти половину сигареты, когда понял, что различаю среди тишины приглушенные голоса, мужской и женский. В основном говорила женщина. Слов я разобрать не мог, но интонации показались знакомыми.

Внезапно меня осенило: а что, если это та самая девушка, которая сегодня не желала заселять меня в отель? И поскольку за вечер я успел выпить достаточно алкоголя, то не сомневался, что нужно прямо сейчас пойти и извиниться за проваленную ранее попытку наладить успешную коммуникацию.

Я отправился в сторону голосов, но они внезапно замерли, словно незримые собеседники меня услышали. Несколько секунд царило молчание, а потом тишину нарушил звук спешно удаляющихся шагов.

Завернув за угол, я уже никого не застал. Запаха табачного дыма в воздухе не чувствовалось, да и на земле не лежало ни одного окурка. Наверное, это были попросту сотрудники отеля, которым захотелось пошептаться подальше от чужих ушей. Не знаю почему, но на какое-то мгновение я вдруг ощутил себя одиноким и никому не нужным.

Поднявшись в номер, я довел текст до ума и опубликовал пост, после чего завалился в кровать и вскоре уснул под мерное гудение кондиционера.

Глава 4

Едва забрезжил рассвет, на пороге отеля возник Кен. Вид у него был воинственный, в руке дымился картонный стаканчик с кофе.

– Ну и какого лешего мы так собой довольны? – спросил он у меня.

Я стоял тут уже десять минут и за это время успел обнаружить, что без четверти шесть утра в пустыне так же холодно, как и в полночь.

– Это не самодовольство. У меня просто лицо замерзло.

– Черта с два. По утрам ты смахиваешь на свежерыкопанный труп, а сегодня отчего-то выглядишь так, будто жизнь твоя обрела смысл. Что, надо полагать, чистой воды самообман. Остерегайся крошечных демонов с их вкрадчивыми голосами. Покончи со всем этим раз и навсегда.

– Кен, я не собираюсь накладывать на себя руки, так что обогатиться за счет моей страховки тебе не светит.

– Не командный ты игрок, приятель.

– Что ж поделать.

– Да ладно тебе, Нолан, выкладывай, что случилось.

Я хотел рассказать ему позже, но было ясно, что теперь он не отстанет.

– Пришло письмо.

– От кого?

– От издателя, насчет книг.

Кен вопросительно приподнял бровь:

– Каких еще книг?

– Моих.

Кен заулыбался во весь рот, отчего стал похож на большого ребенка, и сжал мое плечо, да так крепко, что я расплескал половину кофе.

– Чтоб меня. Это отличная новость, дружище.

Вообще-то, так оно и было. В прошлом году я за свои деньги напечатал две книги, обе по мотивам «Аномальных материалов», с кадрами со съемок и архивными фотографиями. Над составлением макета ваш покорный слуга трудился лично, поэтому результат напоминал творение в меру одаренного шестиклассника – типичный такой самиздат. Однако в письме, которое я получил сегодня утром, сообщалось, что права на книги выкупило настоящее издательство и в ближайшем будущем они появятся во всех книжных магазинах.

– И много тебе заплатят? – заинтересовался Кен.

– Почти ничего, но ведь...

– ...дело не в деньгах. Я в курсе, дружище. Поздравляю. Да и рейтинги шоу теперь взлетят. Твою ж мать. Лучше бы нам найти ту пещерку, как думаешь?

– Хуже точно не будет.

Мы чокнулись стаканчиками. Не нарушая уютного молчания, мы прихлебывали дрянной кофе и наблюдали, как тем-

нота неба понемногу отступает под натиском первых лучей рассвета.

Молли где-то раздобыла чудовищных размеров термос и в дороге отпаивала нас, сонных и замерзших, горячим кофе, который был несравнимо вкуснее гостиничного. Люблю я эту атмосферу, что царит в самом начале всех наших вылазок: и море-то кажется по колено, и горы – по плечо, и поубивать друг друга нам еще пока не хочется. Косые лучи утреннего солнца заглядывали в окна, а в салоне благодаря милосердию Кена на сей раз вместо прогрессивного рока звучали шутки и смех. Фезер веселилась наравне с нами, но Джемма не спешила вливаться в компанию и сидела с отрешенным видом. Судя по ее влажным волосам, душ она принимала на бегу и еще толком не проснулась. А может, она снова играла роль наблюдателя.

Наконец мы свернули с главной дороги и затряслись по пыльной тропке, петляющей между изогнутыми деревьями, как приказал нам всезнающий GPS-навигатор Молли. Эта штука была нам жизненно необходима. И не только для того, чтобы не сбиться со сложнейшего маршрута (который я, каюсь, попросту скачал из Интернета, однако справедливости ради стоит отметить, что до этого мною была проделана напряженная умственная работа): когда мы спустимся на дно каньона, телефоны в лучшем случае будут ловить еле-еле, а в худшем – не будут ловить вовсе. А уж о том, чтобы выйти в

Сеть, и думать нечего, но это скорее плюс, чем минус: ненавижу все эти «репортажи с места событий», которые Кент заставляет снимать каждые пять минут и публиковать в соц-сетях, чтобы наши зрители (все трое, ага) были в курсе последних новостей.

Через полчаса дорога закончилась. Кен остановился на расчищенном пятачке, который, по-видимому, служил здесь парковкой. Первым из машины выпрыгнул Пьер с камерой наперевес, за ним, с микрофоном на штативе, выбралась Молли. Я пригладил волосы и, дождавшись, когда Молли кивнет, вышел из «кенмобиля».

Сначала я окинул неспешным взглядом окрестности, а затем, изо всех сил стараясь сохранять на лице выражение торжественной задумчивости, направился в сторону каньона. Пока я продирался сквозь кривые кусты можжевельника и заросли низкорослых сосенок и тополей, Пьер с Молли держались рядом со мной, а Кен был занят тем, что не пускал в кадр Фезер и Джемму.

И вот каньон предстал перед моим взором. Ошарашенный увиденным, я напрочь забыл о камере и невольно замедлил шаг.

Прежде мне не раз доводилось слышать, что подготовиться к первой встрече с Гранд-Каньоном невозможно. И это су-щая правда. «Громадный», «фантастический», «умопомра-чительный» – все эти и им подобные эпитеты бессильны для описания его истинного величия.

Он казался бесконечным. До этого момента я даже не подозревал, что на свете существует такое буйство оттенков красного, оранжевого и коричневого. Я глядел вниз на реку и с трудом верил, что все это не обман зрения. Это был пейзаж с какой-то другой планеты, для сотворения которой боги не поскупились и выделили бюджет побольше.

Следовало срочно придумать достойную реплику, соответствующую грандиозности зрелища. Я приблизился к краю и замер, глядя вдаль и лихорадочно соображая, что бы такое сказать. Наконец, после долгой, многообещающей паузы, я изрек:

– Ого.

– Господи, – услышал я бормотание Кена. Он махнул рукой Пьеру, и тот остановил съемку. – Молли, налей-ка Нолану еще кофе и дай сигарету... а потом попробуем снова, лады?

Кен знает мои пристрастия, кофе с сигаретой благотворно подействовали на мои умственные способности, потому вторая попытка оказалась удачной. Я снова встал на краю пропасти и, не отрывая взгляда от умопомрачительной картины перед собой, начал:

– Говорят, что первая встреча с Гранд-Каньоном – неизбежный шок. – Я криво усмехнулся. – Это правда. Человек может построить гигантский небоскреб или создать крошечную микросхему, но ему никогда не сравниться с матуш-

кой-природой: лишь ее творения способны потрясти до глубины души. Сейчас вы сами в этом убедитесь.

Я отошел в сторону. Пьеру хватило догадливости не последовать за мной, а продолжить снимать пейзаж. Через несколько секунд он снова направил камеру на меня, и я, теперь уже глядя прямо в объектив, продолжил:

– Неудивительно, что это уникальное место овеяно бесчисленными легендами. Так уж устроены люди: во всем чудесном им видится проявление внеземных, божественных сил. Но мы, исследователи, должны быть свободны от предрассудков. У человечества предостаточно и собственных тайн, на поиски одной из которых мы и отправляемся прямо сейчас. Присоединяйтесь!

Я выдержал паузу, потом развернулся и пошел вдоль края каньона с беспечным и самоуверенным видом человека, который понятия не имеет, куда именно лежит его путь.

– Нормально, – сказал Кен. – Пьер, сохрани. А теперь давайте взглянем на тропу.

Я родился и вырос в Калифорнии, а посему пеший туризм по неровной местности, то бишь хайкинг, – вынужденная необходимость, с которой я худо-бедно примирился. Мне это занятие даже нравится, правда если под ним подразумевается бесплатный променад по живописному лесу. Однако я быстро смекнул, что путь от края каньона до реки – предприятие совершенно иного уровня сложности.

Я заранее показал Молли на карте, где, по моему мнению, нам нужно начинать спуск, а она нашла на этом участке две тропы, не особо популярные среди туристов. Та, которой мы собирались воспользоваться, проходила по территории резервации индейцев навахо, то есть соваться сюда без официального разрешения было, мягко говоря, нежелательно.

Кривая узкая тропинка, петляя туда-сюда между расселинами, сбегала по осыпающемуся краю скалы вниз до самого дна пропасти, такой громадной, что в нее мог бы легко провалиться средних размеров город, по пути ни разу ни за что не зацепившись.

– Вы что, смеетесь? – Кен присвистнул.

– Надо было раньше признаваться, что ты высоты боишься, приятель.

– Да я больше за Пьера волнуюсь – ему-то каково придется, с камерой на плече?

Вместо ответа Пьер прыгнул вниз, изящно приземлившись на тропу футах в шести от нас. Он прошелся вперед, затем вернулся и окинул предстоящий маршрут взглядом профессионала. Ненавижу этот его взгляд.

– Все не так страшно, – сказал он. – Мне попадались тропы и похуже.

– Кто бы сомневался, – пробормотал я себе под нос.

Кен издевательски ухмыльнулся:

– Так, мальчик с камерой, ты отходишь на двадцать ярдов, а мы идем за тобой. Молли, нацепи на Нолана микрофон. А

ты, Нолан, иди вперед и говори что-нибудь очень интересное. И постарайся не навернуться в пропасть.

– А мне что делать? – подала голос Фезер.

– По правде говоря, золотце, единственное, что сейчас требуется от вас с Джеммой, – это не путаться под ногами. Поэтому вы остаетесь здесь и держите оборону, пока не услышите крик «снято!». А если объявятся какие-нибудь отважные краснокожие, просто скажите, что нас послало правительство.

– Серьезно?

– Нет! – рявкнул Кен. – Дураку ясно, что это шутка. Просто... просто постойте здесь, ладненько? Обе. И молча.

Пьер и Кен начали спускаться. Молли тем временем прикрепила к моей ослепительно-белой рубашке навывпуск микрофон и сунула трансмиттер в задний карман моих джинсов. После этого она уверенно зашагала вниз, причем громоздкий микрофон на штативе ничуть не стеснял ее движений. Сдается мне, в ее семье любят побродить маршрутами и посложнее, чем те, что начинаются в «Старбаксе» и заканчиваются в каком-нибудь ресторане.

Когда все трое были в сборе, Кен поднял руку.

Я ступил на тропу, обвел взглядом сверхъестественной красоты пейзаж и начал спускаться, не сводя глаз с камеры и стараясь не думать о том, что от зияющей бездны справа меня отделяют каких-то два фута.

– Много лет назад, – произнес я, – жил на свете солдат,

географ и исследователь по имени Джон Уэсли Пауэлл. Он возглавил первую научную экспедицию через Гранд-Каньон, а впоследствии стал директором Бюро американской этнологии при Смитсоновском институте. Этот человек оказал огромное влияние на представления о древнейшей истории Америки, и пусть это влияние не всегда оборачивалось благом, бесспорной заслугой Пауэлла является то, что именно он записал легенды о Великом каньоне, сохранившиеся у племен североамериканских индейцев.

Я протянул руку вправо:

– Так, например, в легенде племени валапай говорится, что все это явилось результатом потопа, который вызвал герой их эпоса Пакитхаави, правда я не уверен, что правильно произношу его имя. Он воткнул свой нож в землю и расшатывал его до тех пор, пока не появилась трещина, по дну которой потекла река, неся свои воды к Морю Заката.

До Пьера и компании оставалось всего несколько ярдов. Кен махнул рукой: давай, мол, дальше, а Пьер начал отходить назад, продолжая снимать и ни разу даже не споткнувшись.

– Другая легенда гласит, что Великий каньон был создан для утешения одного великого вождя, у которого умерла жена. Бог Тайова построил дорогу в прекрасную страну – по сути, рай, – чтобы вождь смог навещать свою супругу. Тайова взял с него обещание не рассказывать о стране соплеменникам, иначе те, измученные тяготами жизни, попытаются попасть туда раньше срока, и после этого затопил дорогу, что-

бы навсегда преградить людям путь в чудесную страну. Это священное место. По словам Пауэлла, аборигены предупреждали его, что спускаться в каньон опасно, – можно прогневать богов. Однако Пауэлла это не испугало. Как и нас, хотя, конечно же, мы будем проявлять должное уважение к местным племенам и их верованиям.

Я уже истощил весь запас красноречия, но наша съемочная группа продолжала все так же пятиться.

– Итак, – сказал я с нажимом, давая понять, что если они не остановятся, то остановлюсь я, – перед нами два разных подхода, и мы выбираем подход исследователей, лишенных предубеждений. Мы также помним, что в каньоне имеются массивы пород, носящие названия Башня Сета, Башня Ра и Храм Изиды. Официальная версия утверждает, что это не более чем дань моде того времени, когда эти массивы были открыты, – и вполне вероятно, что так оно и есть. Однако мы не будем торопиться с выводами. А теперь я умолкаю и целиком сосредоточиваюсь на том, чтобы добраться до реки, не свалившись по дороге в пропасть.

– Снято! – крикнул Кен. – Слишком мудрено для массового интернет-зрителя, но любители фольклора заверещат от восторга. Отлично, ребята, вы все молодцы. Кроме тебя, Нолан. Ты был ужасен.

– Спасибо на добром слове.

– Пожалуйста. Ну что, халявщики, возвращаемся наверх и собираем свой хлам. Пора творить историю.

Глава 5

– Я тут как раз говорила, – произнесла Молли, многозначительно глядя на меня, когда мы дружно двинулись к машине, – что нам очень повезло с Фезер: она так нам помогает.

– Точно, – поддакнул я. И вообще-то, в этом была доля истины. Представительница спонсоров быстро осваивалась с ролью девочки на побегушках, не мешалась под ногами и упорно не теряла оптимизма. – Фезер, ты и впрямь здорово влилась в нашу команду.

Она довольно заулыбалась – ни дать ни взять школьница, которую похвалили за хорошие отметки.

– Я тут подумала: раз уж у нас пока есть связь, можно мне сфотографироваться с Ноланом? – И протянула Молли свой телефон.

Мы с Фезер встали рядом. Я, по своему обыкновению, втянул живот и расправил плечи, чтобы не выглядеть, как угловатый мужчина сорока с небольшим, которому не помещало бы почаще наведываться в спортзал.

Как только Молли сделала кадр, Фезер схватила мобильник и немедленно отправила кому-то наш снимок по почте.

– Это я мужу, – пояснила она. – Он тоже ваш преданный фанат.

Полистав альбом, она нашла какое-то фото и показала его нам с Молли: улыбающийся парень-хипстер, а рядом – ма-

ленький мальчик.

– Ой какая лапочка! – вежливо восхитилась Молли. – Как его зовут?

– Перри. Ему уже пять.

Я тоже взглянул.

– А... ребенку сколько?

По лицу Фезер скользнуло недоуменное выражение, но уже через пару секунд она заливисто расхохоталась. Молли перехватила мой взгляд и подмигнула: «Молодец, Нолан».

Пока наша команда вытаскивала из машины сумки с вещами, прикидывая, кому что нести, я отошел в сторону, чтобы покурить. Через несколько минут рядом со мной возникла Джемма.

– Ну так что, Нолан? Сейчас удачный момент для беседы?

Я широко улыбнулся:

– Удачнее не придумаешь.

– Должна признать, я и не подозревала, что ты такой хороший актер.

– Ты о чем?

– О твоей реакции. Ты повел себя так, будто и впрямь впервые увидел Гранд-Каньон.

– Вообще-то, – ответил я, – это сущая правда.

Она изумленно уставилась на меня:

– Что?

– Я ведь живу в Лос-Анджелесе, – принялся оправдывать-

ся я, — поэтому в отпуск выбираюсь куда-нибудь подальше.

— То есть ты ведешь людей на поиски какой-то мифической пещеры, существование которой и не доказано-то толком, — а сам даже ни разу не был в Гранд-Каньоне?

— Я и в Египте ни разу не был, — парировал я. — И что, это делает мое мнение о пирамидах несостоятельным?

— Да... возможно.

— А как же быть с мнением ученых, рассуждающих о Марсе?

Джемма слегка растерялась:

— Ну... это другое. Марс и пирамиды — они ведь точно существуют.

— Если с носом зарыться в общепринятые истины, то за деревьями можно и леса не увидеть, — изрек я, думая, не пора ли мне вернуться и помочь остальным с вещами. — Долгие годы все были уверены, что предки нынешнего Homo sapiens вышли из Африки шестьдесят тысяч лет назад. Но в две тысячи пятнадцатом году при раскопках в уезде Даосянь на юге Китая в пещере, под слоем сталагмитов, были обнаружены человеческие зубы. И если возраст сталагмитов, определенный методом радиоизотопного датирования, равнялся восьмидесяти тысячам лет, то и дураку ясно, что зубы лежали там намного дольше — может даже, тысяч сто двадцать или сто двадцать пять. Слышала об этом случае?

— Нет.

— Однако тебя это не смущает. А между тем о нем даже

статьи в журналах печатали. В тех, которые никто не читает. И несчастные исследователи-энтузиасты, над которыми потешался весь мир, остались не у дел: простите, детки, что раньше мы вам не верили, – у нас просто доказательств не было, но теперь мы их нашли, и поэтому все, что вы говорили, отныне считается правдой. А ну давайте бегите в свою пещеру и не мешайте взрослым работать: им историю контролировать надо. Так что не спеши с выводами.

– Ну, это точно не твой случай, – произнесла Джемма.

Я непонимающе моргнул:

– В каком смысле?

– Ты ничего не знаешь наверняка: ни сейчас, ни вообще когда-либо. Все, что ты говоришь, не более чем твои собственные домыслы или домыслы других, которые ты перевираешь на свой лад. Тебе самому не известно ровным счетом ничего.

– Вот уж не думал, что эпистемология – твой конек.

– Это наука о жуках?

– Нет. Это отрасль философии, в которой исследуются структура и строение знания как такового. Кант всю свою жизнь на это положил. Жаль, что он уже умер, – надо было ему сначала с тобой поговорить.

– Мудреные длинные словечки еще не делают человека умнее.

Я старался, чтобы мой голос звучал непринужденно, но давалось мне это ох как нелегко.

– Ага, равно как и обилие коротких словечек. И уж точно умнее не становишься, если долго тычешь пальцем в кнопку «Следующая страница». Или кликаешь на рекламу каких-нибудь обучающих курсов, на которые так щедр «Гугл».

– Дешевый трюк. Ничего, если я напомним, что не ты лично нашел те зубы? Это лишь информация из вторых рук – как и все, что я слышала от тебя до сих пор.

– Такие открытия не каждую неделю случаются.

– Само собой. Вот потому ты и повторяешь как заведенный: «Не важно, найдем мы что-нибудь или нет, главное – не переставать искать». Прямо-таки сплошной дзен. А уж как удобно! Ты ведь у нас уже стал профи в том, чтобы искать и ни черта не находить, верно?

– Если бы истину было так просто отыскать, – ответил я, – ее бы уже давным-давно обнаружили и сделали частью привычной картины мира. Однако все обстоит как раз наоборот: ее отрицают и стараются упрятать поглубже.

– Ладно, выкрутился. Но вернемся к шоу. Знаешь, какой выпуск мне особенно понравился? Тот, в котором ты под проливным дождем стоишь у ворот Смитсоновского института и твердишь служащему: «Хватит скрывать тайную историю Америки, покажите нам гигантские скелеты, спрятанные у вас в хранилищах». А тот, бедняга, раз за разом повторяет, что этих скелетов у них нет и никогда не было.

– Это неправда, – возразил я. – Во многих отчетах девятнадцатого века они упоминаются. А в отчете Этнологическо-

го бюро, детища Смитсоновского института – его в то время, кстати, возглавлял сам Джон Уэсли Пауэлл, самый преданный служитель традиционной науки, – в подробностях описываются семифутовые скелеты, найденные в Данлейте, штат Иллинойс, и округе Роан в Теннесси. Если хочешь, можешь сама убедиться – у меня в телефоне есть PDF-версия. И таких случаев пруд пруди. А в некоторых из них возраст пород указывает на то, что гиганты жили здесь еще до индейцев.

– Ничего себе! Ты что, готов зайти *настолько далеко*? Присоединиться к тем, кто заявляет, якобы «индейцы не являются коренными жителями Северной Америки, так что зря они ноют, будто с этих земель их согнали незаконно»? Ты и правда не боишься попасть под эту раздачу? Да ты не такой трус, как я думала.

– Конечно же, вопрос непростой, и однозначный ответ тут дать нельзя. Некоторые отчеты, вполне возможно, были сфабрикованы поселенцами с целью опровергнуть заявления индейцев об их изначальном праве обитать на этой земле. С другой стороны, некоторые индейские мифы, как ни парадоксально, описывают первых жителей континента и носителей культуры как светлокожих и рыжеволосых. Хотя, – тут же спохватился я, – у нас ведь имеются только записи легенд, переданных изустно, и можно ли им доверять или нет – трудно судить.

– Снова выкрутился. Осторожно обошел тему стороной,

ничего толком не сказав. В который уже раз. Меня так и подмывает спросить: Нолан, тебе чай или кофе? Держу пари, ты ответишь: и то и другое. Или: ничего, спасибо.

– Слушай, к черту все это, – громко сказал я, уже не сдерживаясь, и заметил, как Кен обернулся в нашу сторону. – Ты говорила, что хочешь написать серьезную статью о шоу, – так с какой стати ты вдруг на меня взъелась? Профессионалы так друг с другом не общаются.

– Никакой ты не профессионал, – тихо произнесла Джемма. – Ты лишь корчишь из себя профессионала, чтобы сводить концы с концами. Да, я не знаю, что такое эта твоя эпи... хронология. Но ты абсолютный ноль в археологии и во всем остальном. Ты просто-напросто продаешь информацию – за то же, за что и покупаешь. Каждое твое заявление начинается со слов: «Возможно ли, что...» или «И многих это побуждает задаться вопросом: неужто...» – а в конечном итоге ты так ничего толком и не говоришь.

– Да я...

– А самое мерзкое – то, что ты сам ни во что из этого не веришь. Не веришь, что в Зоне пятьдесят один прячут летающую тарелку. Или что Ноев ковчег когда-нибудь найдут. Просто у тебя чутье на красивые сказочки, которые хорошо продаются, а уж втюхать их слабоумным фанатам, опутанным Всемирной паутиной, – в этом ты определенно поднапорел.

– И чем же, интересно, ты отличаешься от меня? Мо-

жет, тебе не сегодня завтра Пулицеровскую премию дадут за твою писанину? Навряд ли. «Десять причин, почему Джессику Бил больше не снимают в кино». Да уж: свежо, остро, есть над чем подумать.

Я понял, что ударил по больному.

– Сейчас я пишу более глубокий материал.

– Пара бесплатных обзоров в «Хаффингтон пост» еще не делают тебя Вудвордом или Бернштейном.

– Ладно, проехали, – вспыхнула она. – Но раз уж мы заговорили о *настоящих* журналистах: тебя не бесит, что у Кристи дела идут лучше некуда?

– У какой еще Кристи?

Джемма осеклась, потом закатила глаза:

– Очень смешно. Ты прекрасно знаешь, у какой. У той самой Кристи, на которой ты был женат.

– Что значит «лучше некуда»?

– Ты издеваешься? Да все, что она пишет, тут же подхватывают и перепечатывают издания по всему миру, стоит ей лишь поставить последнюю точку своим изящным пальчиком. Ее выступление на «ТЕД токс» одно из самых популярных по числу просмотров. Кристи только что включили в список пятидесяти женщин, оказывающих наибольшее влияние на общественное мнение в США. Ну да, она лишь на сорок седьмом месте, но все же. У нее четверть миллиона подписчиков в «Твиттере». Прямо сейчас она на Аляске: пишет что-то сверхважное о вечной мерзлоте. Плюс ко всему

Кристи такая миниатюрная и стройная, что, когда поворачивается в профиль, ее почти не видно. Вот что значит «лучше некуда».

– Вообще-то, звучит так, будто все это тебя бесит. А как же женская солидарность?

– И все-таки ты редкостная сволочь.

– Есть такое мнение.

– Ну а если серьезно: неужели это тебя не волнует?

– Моя репутация? Да я уже привык.

Джемма выжидающе смотрела на меня.

– Нет, ничуть, – сдался я. – Кристи все это заслужила. Она открыто и грамотно выражает свою позицию. Она – цельная личность. И умнейший человек из всех, кого мне доводилось встречать в своей жизни.

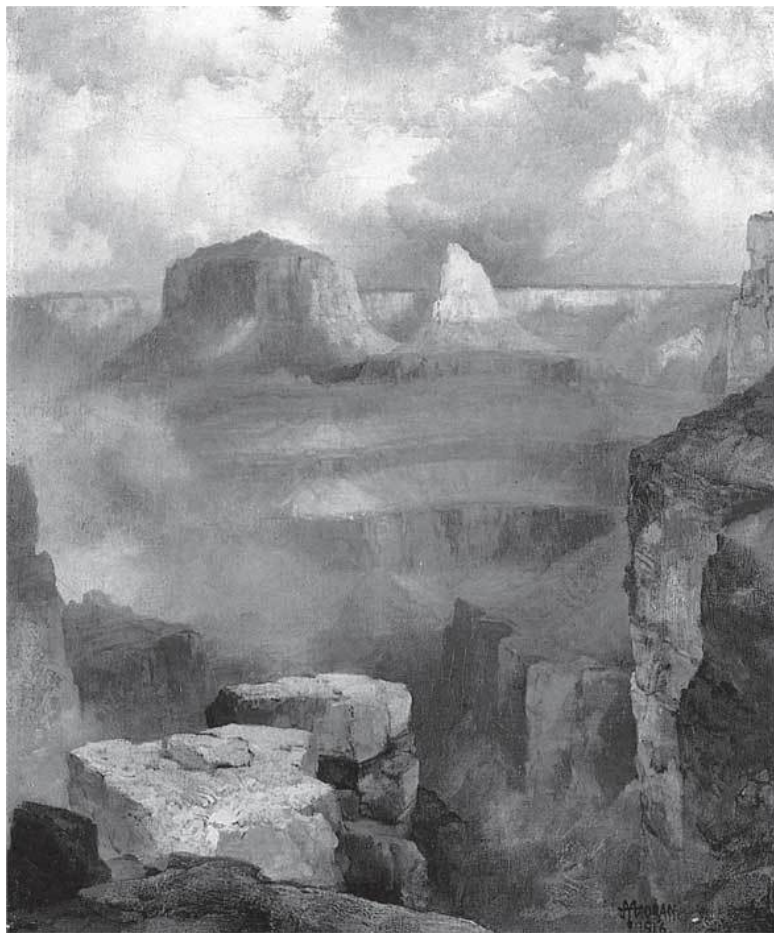
– Если уж Кристи такое чудо, почему тогда вы разбежались?

– Потому что ничего из вышеперечисленного нельзя сказать обо мне. – Я повернулся к машине. Все наши, водрузив рюкзаки на плечи, стояли возле нее, готовые тронуться в путь. – Нам пора идти.

Джемма чуть склонила голову набок и улыбнулась:

– Ну надо же: я-то думала, тебя не так просто положить на лопатки.

– Это правда: я вообще, чуть что, сразу падаю. – Я вдруг почувствовал смертельную усталость. – Зато почти всегда снова поднимаюсь на ноги.

Из архивов Нолана Мура. Гранд-Каньон. Пейзаж Томаса Морана, 1916 год

Глава 6

Через двадцать минут мы уже спускались по тропе. Первый участок был довольно крутой – мне даже не стыдно признаться, что я почти все время для подстраховки держался за скалу. Потом тропа запетляла изнурительным зигзагом, и продвигаться пришлось еще осторожнее. Каждый из нас, кроме рюкзака, тащил еще какое-то оборудование – по большей части аккумуляторы для камеры, коих была чертова туча, – и потому все смотрели исключительно себе под ноги, лишь изредка поднимая глаза и обалдело таращась на окружающую красоту.

Шествие замыкал я, плетясь на некотором расстоянии от всех. Мне не хотелось компании. Не потому, что так велел мне статус примадонны. И не потому, что я психанул на Джемму и теперь вынашивал коварный план мести. Я прекрасно знал, что она права. Может, не во всем, но в целом я был с ней согласен.

Да, меня с самого детства занимали загадки истории и необъяснимые явления, но археологом я не стал. Еще каких-то три года тому назад я крутился в киноиндустрии. Точнее, около нее. Потому что я писал сценарии, а в данном случае «я был вхож в мир кино» прозвучит примерно так же, как «я был на вечеринке» из уст официанта. Я много и тяжело трудился, зарабатывал какие-то деньги, прыгал через все

обручи. Я пытался. Шли годы.

Но я просто никуда не годился. Можно сказать «был недостаточно хорош», но сути это не изменит. В конце концов я собрал свои пожитки и свалил. Произошло это после того, как я целый год проработал над одним сценарием – стопроцентным шедевром, который я без устали шлифовал, переписывая снова и снова. На этот раз речь шла о сериале: идея принадлежала одному парню, который имел почти непосредственное отношение к самой верхушке кинокомпании «Двадцатый век Фокс», а это означало, что ничто в мире не помешает моему детищу увидеть свет. Но однажды этот парень просто исчез – внезапно, без предупреждения, будто сквозь землю провалился, – а его преемница учинила разбор полетов по стандартной процедуре: в первый же рабочий день начала вышвыривать за борт все проекты, финансирование которых сочла неоправданным расточительством.

Я присутствовал на совещании, вел себя учтиво и профессионально – даже не заколол ее ручкой. Из офиса вышел, чуть ли не насвистывая. Я шагал по улице, размышляя, к каким из моих пробных сценариев мне следует вернуться, и уже собирался было позвонить агенту и сообщить, что я снова в седле и готов броситься в бой... И вдруг остановился.

Люди недовольно цыкали, обходя неожиданное препятствие в моем лице, а я просто стоял и пялился на свой верный телефон, словно это был какой-то инопланетный артефакт. Внезапно я осознал с ужасающей ясностью, что

все мои многообещающие сценарии обречены. Они навечно останутся тем, чем были всегда, – не более чем пустыми обещаниями.

Я сунул телефон в карман и побрел дальше, пройдя в итоге расстояние от бульвара Пико до Санта-Моники, а путь этот – говорю на случай, если вы не знакомы с географией Лос-Анджелеса, – весьма неблизкий.

Когда я наконец добрался до океана, то едва дышал от жары и усталости. К тому же, пребывая в полном недоумении, обнаружил, что лицо у меня мокрое от слез, хотя я и не помнил, чтобы плакал. Это настораживало. Я был истерзан и разбит, мне хотелось повеситься от тоски. Я валялся на песке, с остервенением разгребал кучу пепла, в которую вновь превратился феникс моего самоуважения, и надеялся, что, как и прежде, мне удастся воскресить эту своенравную птицу. «Вот что, Нолан, тебе просто нужно передохнуть, – убеждал я себя, – тот парень был отличным продюсером, но ведь на нем свет клином не сошелся. И вообще, ты слишком уж заиклился на этом несчастном сериале – пахал и пахал как вол, без сна и отдыха. Успокойся, жизнь продолжается».

Но ничего не вышло.

Моя душа была выжжена дотла.

Я умер.

Когда наступили сумерки, я позвонил Кристи, она приехала и забрала меня домой. Вечером мы сидели в баре, крепко обнявшись, и она говорила мне, что я очень талантливый,

что обязательно найду свое призвание и мои дела пойдут в гору и что она меня любит.

Вот какими мы были в то время.

Рядом слышались чьи-то шаги. Я оторвал взгляд от ботинок и увидел Кена. Тропа к этому моменту стала достаточно широкой, чтобы по ней могли пройти двое.

– Что ж, – сказал он, – я рад сообщить, что команда пребывает в боевом расположении духа. Пьер снимает, материал получается шикарный, да еще эта маленькая хохотушка Фезер, как выяснилось, вовсе не собирается трепать мне нервы. Красота, одним словом. Вот только, чувствует мое сердце, в глубине того, что считается душой Нолана Мура, творится что-то неладное.

– Все нормально.

– Хрена с два у тебя все нормально. Слышал я заключительные аккорды вашего так называемого интервью. Беседовали вы громко.

– Имей в виду, Кен: я тебя убью, если только вздумаешь произнести: «А ведь я предупреждал».

– Да больно оно мне надо. Лучше послушай вот что: такое я редко тебе говорю, чтобы ты, не дай бог, не возгордился, и все же. Нолан, ты отлично справляешься со своей работой. Талант тут, разумеется, ни при чем – у тебя его нет. А вот нюх на стоящую историю и умение правильно ее преподнести – есть. И веришь ты в нее или не веришь – это уже дело

десятое.

– Мне так не кажется.

– Потому что ты бестолочь. Вот тебе поучительный пример из прошлого. Как ты знаешь, самый успешный фильм в моей карьере назывался «Бессмертные мертвецы».

– Я... я так его и не посмотрел.

– Ничего страшного. Он был и остается куском говна. И тем не менее слава этого фильма шагала далеко впереди него, так что он с лихвой окупился еще до выхода на DVD. Это благодаря ему появился «кенмобиль». И новые титьки жены. Кстати, это был полностью ее выбор – мне и старые нравились. Ну да ближе к делу. Режиссером этой типичной вампирской бредятины была самая мерзкая скотина из всех, с кем я когда-либо имел несчастье работать. Звали этого типа Ник, Ник Голсон. Первостатейный мудака, скажу я тебе. И вот полгода назад встретились мы с ним в Сан-Диего на вечеринке для фанатов ужастиков – он нынче хрень про зомби на кабельном штампует, – и я давай шутить: какими, мол, убогими были эти самые «Бессмертные мертвецы». Он молча дождался, пока я закончу, а потом, поманив меня пальцем, стал продираться сквозь толпу. Наконец подвел меня к какой-то женщине, представил как продюсера «Мертвецов» и попросил повторить то, что она недавно сказала ему. Не буду утомлять тебя деталями, суть в том, что за месяц до выхода нашего шедевра на экраны у нее умерла мать. И в фильме эта женщина слышала один диалог – а его напи-

сал я, о чем Голсон, в порыве несвойственного ему благородства, уже сообщил зрительнице, – который дал ей силы жить дальше, принять случившееся, не пасть духом. Двадцать лет прошло – а она по-прежнему нам благодарна. Так и сказала, слово в слово.

– Приятно.

– Еще бы. Конечно, я не признался даме, что большую часть того диалога настрочил, пока сидел на унитазе. Так к чему я клоню? А к тому, что ни мне, ни тебе не дано знать наверняка, что в конечном итоге окажется важным для зрителя. Думаешь, правда? Да кому она нужна? Сколько идиотизма в Библии понаписано, и какие-нибудь десять тысяч придурков используют это как оправдание, чтобы вести себя как последние сволочи. Коран с Талмудом не лучше, как и та книженция, из которой буддисты свои заветы заучивают. Но с другой стороны, за тысячи лет это дерьмо помогло миллионам – прожить день, не сойти с ума от горя или увидеть мир по-другому, пусть и всего на десять минут.

– Но, Кен, «Аномальные материалы» не имеют никакого отношения к высоким материям.

– Так уж и не имеют? Если в каждом эпизоде ты произносишь хоть одну фразу, которая заставляет хоть одного человека поверить в то, что Вселенная не такая уж и унылая дыра, то дело сделано, дружище. И плевать я хотел на то, что думает на сей счет эта малолетняя стерва Джемма! Скажите пожалуйста: правда, неправда... Да правда – она только для

подростков и хиппи годится, мы же для всего этого дерьма слишком стары и уродливы. Как там какой-то умник сказал? «Если у тебя нет для меня интересной истории или стакана виски – на черта ты тогда вообще ко мне приперся?»

– Да ты, братец, оказывается, очень глубокий человек.

– Нет, я сволочной мудака. И ты тоже. Так что давай, выше голову, и пойдем искать эту пещеру.

– Мы ее не найдем, ты и сам это прекрасно знаешь, Кен.

– Найдем или нет – не это главное. Разве не так ты всегда говоришь?

Он прибавил шагу, и я последовал его примеру, стараясь не отставать.

Глава 7

– Хочешь сказать, что вот это – наша лодка?

День уже давно вступил в свои права, и солнце жарило вовсю. У меня во рту царило такое пекло, что, сунь я туда спичку, она бы тут же вспыхнула. Тропа оставалась вполне сносной, правда чем ниже мы спускались, тем уже она становилась. Большую часть времени мы медленно шли, петляя между обрывами, а иногда и вжимаясь в отвесную стену, чтобы, не дай бог, не оступиться.

Первые шестьдесят минут мы чувствовали себя отважными первопроходцами: воздух еще был свеж, а пейзаж, словно сошедший с обложки какого-нибудь старенького романа про покорение Марса, – поистине сказочным.

Однако так уж устроен человек: ничему не умеет долго удивляться, и даже бесконечное разнообразие жизни, стоит к нему привыкнуть, уже не радует глаз. Поэтому следующие несколько часов показались мне, если честно, весьма утомительными. Я всегда говорю: если прогулка занимает больше сорока минут, значит ты слишком рано вышел из машины.

Когда до реки оставалось ярдов сто, наша компания снова воспряла духом. Наконец, обогнув последний выступ скалы, закрывающий нам обзор, мы остановились: на реке, недалеко от берега, виднелось огромное судно нежно-голубого цвета. Передняя часть была из белой пластмассы, а задняя пред-

ставляла собой большую надувную лодку, скорее даже плот, с привязанной к ней крошечной шлюпкой.

– Ну да, – подтвердила Молли.

Кен сосредоточенно разглядывал это чудо техники.

– Так ведь она без мотора.

– Да, потому что это гребная лодка. С веслами. Будем грести.

– Это ты так шутишь?

– Нет. – Молли была само терпение. – Я ведь объясняла вчера. Мы изначально договорились насчет моторной, но произошла накладка. Зато теперь у нас есть эта лодка-плот: в два раза больше, да еще со спальниками и палатками в качестве бонуса.

– Но мотора-то у нее нет.

– Всегда приходится чем-то жертвовать.

– И мы сами должны грести? Веслами?

– Это полезно для здоровья.

– Твою ж мать.

Через двадцать минут мы ступили на скалистый берег.

– Вот это да! – восхитилась Фезер, задрав голову и медленно поворачиваясь вокруг своей оси. – С ума сойти! Потрясно! Обалдеть можно!

Мы все утро провели среди каменных стен, но теперь, на дне каньона, впечатление от их высоты и мощи усилилось стократ: они уходили вверх на милю, не меньше, зажимая с

обеих сторон реку, которая на их фоне казалась ручейком. Меня не покидало ощущение, будто я попал в какое-то заповедное место, очень древнее и дикое, где не действуют правила человеческого мира и возможны самые безумные чудеса.

Из тени вышел молодой парень и направился к нам. С первого же взгляда стало ясно, что перед нами один из тех типичных мачо, у которых тестостерон хлещет через край, благодаря чему они лысеют еще до тридцати. Парень представился Диланом и зачем-то упомянул, что родом он из ЮАР.

Пожав всем руки, он повернулся ко мне:

– Так это ты здесь типа Индианы Джонса?

– Вроде того.

– Круто. Только вот что: на реке главный – я. Сегодня пройдем большую часть пути, ближе к ночи пристанем к берегу и разобьем лагерь. Завтра уже будем на месте. Плыть несложно, впереди, правда, пороги. Раньше они были поспокойнее, но в прошлом году там немного потрясло, куча буйжников в воду свалилась. Но есть пороги или нет – мы слишком далеко от цивилизации, так что никто не выпендривается, это ясно? Тебе часто доводилось плавать на таких лодках?

– Не особенно, – сказал я, чувствуя на себе взгляд Джеммы.

Дилан наклонил голову вбок:

– А поточнее? Чтобы уж знать наверняка.

– Поточнее? Вообще никогда.

– Тогда делаем то, что я говорю, и все будут счастливы. Согласен?

– Само собой, – ответил я.

Я не стал утруждаться и доводить до сведения проводника, что если ему так уж хочется поиграть в главного, то тягаться стоит не со мной, а с Кеном или Молли. Скоро он сам в этом убедится. И все-таки мне было бы немного легче, если бы Джемма не полезла за своим блокнотом. Наверняка прилежно запишет весь наш диалог и даже отредактировать его не подумает. А кое-что и в заголовок вынесет, с нее станется.

Кен подошел ко мне, испепеляя взглядом телефон, который держал в руках.

– Ни намека на сигнал сети, – пробормотал он. – Да тут чертово Средневековье.

– Вот и отлично, – сказал я. – Зато у нас есть шанс познать великие тайны, бережно хранимые нашими предшественниками, испытать духовное озарение, которое испытывали они в те далекие времена, когда технический прогресс еще не закабалил человечество и...

– Да заткнись ты, придурок!

Проклятушая лодка оказалась достаточно просторной – можно было не бояться, что в процессе гребли мы покалечим друг друга веслами или кто-нибудь свалится во время этого процесса за борт. Мы втроем – Кен, Пьер и я – обсу-

дили, как следует рассадить команду. Естественно, в кадре в основном буду я, но зритель нынче довольно смекалист и сразу сообразит, что не может один и тот же человек и на камеру трепаться, и судном управлять. Поэтому Кен решил, что стоит показать и остальных: пусть все видят, что у нас серьезное, масштабное мероприятие, а не одиночная увеселительная прогулка на каноэ.

И закипела работа: уже завязанные веревки развязывались и завязывались снова, снимались и надевались заново спасательные жилеты. Когда Пьер нашел идеальный ракурс – я на фоне реки и имитирующих бурную деятельность коллег, – Кен поднял микрофон и кивнул: давай.

– Мы не первые, кто отправляется на поиски пещеры Кинкейда, – начал я, напустив на себя максимально задумчивый вид. – Да-да, как это ни удивительно, но таких попыток было предпринято довольно много. Однако... ни одна из них не увенчалась успехом. В своем описании Кинкейд то чрезвычайно дотошен, то не говорит ни слова по существу. И возможно, это не случайно. «Добраться до пещеры почти невозможно, – я цитирую его дословно. – Вход в нее расположен в отвесной скале, на высоте тысяча четыреста восемьдесят шесть футов».

Я встал вполоборота, и Пьер, медленно отклоняясь назад, взял в кадр скалу, возвышавшуюся на противоположной стороне реки.

– Затем он сообщает, что пещера находится на террито-

рии, которая охраняется государством, и добавляет, что любой, кто пересечет ее границу, будет арестован. Напомню, что в то время не было ни асфальтированных дорог, ни поездов, ни машин с кондиционером, то есть даже подобраться к каньону было задачей нешуточной, не говоря уже о том, чтобы продвигаться по нему, миля за милей, высматривая сокровенную пещеру в вертикальной скале. Но именно эти слова Кинкейда и кажутся мне самыми интересными во всей истории. Потому что, на мой взгляд, они означают одно: исследователи обнаружили нечто чрезвычайно важное. И сейчас мы с вами не гоняемся за химерой. То, что мы ищем, реально.

Я выдержал паузу – чтобы легче было склеить кадры при монтаже – и поманил рукой Дилана.

– Познакомьтесь с Диланом, – сказал я. – Он уже давно занимается сплавом по реке Колорадо и на данном этапе экспедиции будет нашим проводником.

Парень распрямил плечи, отчего стал еще больше похож на туповатого громилу, и уверенным шагом подошел ко мне.

– Здравсте.

– Скажи, ты когда-нибудь плавал туда, куда мы направляемся сейчас?

Он мотнул головой:

– Не-а. Если честно, то для меня это первый...

– Отлично, – перебил его я. – Нам всем уже не терпится отправиться в путь. Однако сначала мне хотелось бы задать

тебе вопрос, который, я уверен, волнует большинство наших зрителей.

– Валяй.

– Каково точное водоизмещение этого плота в кубических дюймах?

Он растерянно заморгал:

– Чего?

– Ну, или в сантиметрах, если тебе так привычнее.

– Я... не знаю.

Я засмеялся:

– Да и какая разница, верно? А вот что действительно важно знать в нашем случае, так это когда европейцы впервые прошли по данному участку Колорадо. Ну же, в каком это было году?

– Э-мм... – промычал Дилан.

Я смотрел на него с невинной улыбкой на устах и не спешил прерывать затянувшуюся паузу.

Через пять долгих секунд Пьер вздохнул и демонстративно опустил камеру.

– В одна тысяча восемьсот шестьдесят девятом, – продолжил я. – Экспедиция, возглавляемая Джоном Уэсли Пауэллом, работала тут с двадцать четвертого мая по тридцатое августа. Ничего особенного они не обнаружили. Но по крайней мере, будет что туристам рассказать, согласен? Кстати, а что, если создать такой маршрут – «По следам экспедиции Пауэлла»? Будешь народ катать, а это уже самая что ни на

есть *настоящая* работа. Как по-твоему?

Дилан кашлянул.

– А можно мне другой вопрос?

– Нет, – отрезал Кен. – Нам уже пора. К тому же, парень, мы работаем по системе одного дубля. В этом у нас Нолан настоящий профессионал.

– Простите.

– Не переживай. – Я улыбнулся и похлопал Дилана по плечу. – Ты тоже к этому привыкнешь. Наверное.

Понуриив голову, он поплелся к лодке. Пьер незаметно ткнул меня кулаком в бок, а Кен подмигнул.

Так-то: пусть все знают, что я тоже в случае чего могу пенисом поразмахивать.

Глава 8

Одно из достоинств моей так называемой работы – необходимость делать то, чего бы в своей нормальной жизни я никогда не сделал. В большинстве своем писатели (даже если они бывшие сценаристы) не любят отрывать зад от насиженного места – в прямом смысле слова, по крайней мере. Хотя, конечно, и тут без исключений не обходится. Хемингуэй, к примеру, с удовольствием отправлялся на природу, чтобы подстрелить пару-тройку перепелов или потягаться силами со здоровенной рыбиной. И все же, бьюсь об заклад, с еще большим удовольствием он возвращался домой: наливал себе чего-нибудь покрепче, садился на крыльцо и беседовал с любимыми кошками в свойственной ему манере – краткими, но емкими предложениями.

Как вы уже знаете из нашего разговора с Джеммой, я еще ни разу не удосужился побывать в Гранд-Каньоне. А теперь посмотрите на меня: плыву по самому его дну на плоту, в спасательном жилете и с веслами в руках, а вокруг – скалы высотой в милю, а то и больше. Мы с Кеном сидели на последнем, третьем ряду, будто пара двоечников на галерке. Дилан явно считал, что всем нам следует серьезнее относиться к происходящему, однако недавнее провальное интервью так его подкосило, что желания приструнить кого-нибудь из нас у мачо не возникало. Пока не возникало.

День понемногу клонился к вечеру, и в косых лучах солнца выщербленные скалы смотрелись особенно величественно, радуя глаз невероятными оттенками красного, оранжевого и коричневого. Это были в основном горизонтальные линии, но иногда встречались и вертикальные, и просто цветные пятна. Нижние слои пород были усыпаны кустиками и мелкими изогнутыми деревцами. На берегах, от подножия стен до самой воды, лежали огромные неровные камни. Довершала этот поистине инопланетный пейзаж река, которая достигала здесь шестидесяти футов в ширину и тридцати в глубину.

Скоро мне снова предстоит появиться в кадре, но на сей раз я буду немногословен, дабы не нарушать атмосферу таинственности, – ограничусь очередной хвалебной ре­­чью уклончивости Кинкейда, который оставил нам столь запутанное описание своего приключения (что лично я нахожу донельзя интригующим). Кроме того, если уж быть до конца честным, я не смог бы объяснить, почему мы придерживаемся именно этого маршрута: попросту не помню, с какого перепугу вдруг решил за него ухватиться. Я всего лишь сравнил пять разных интернет-статей о пещере, написанных с умопомрачительной дотошностью, от которой мозг нормального человека сведет судорога, и прикинул, где примерно стоит искать. У меня много достоинств (как я сам полагаю), но скрупулезное внимание к деталям в их число не входит.

Все бы ничего, но мне вдруг пришло в голову, что исследователи (или аферисты), чьи работы я сравнивал (занимался плагиатом, если уж называть вещи своими именами), не учли некоторых данных из оригинального текста, на первый взгляд незначительных, но лично я расценил их (и здесь стоит признаться, что на тот момент я успел выпить изрядное количество спиртного и покурить какой-то убийственной травы, которую купил у своей домработницы, эмигрантки из Латвии, – но от подробностей этой истории я, пожалуй, воздержусь) как доказательство того, что Кинкейд пытался направить всех по ложному следу. Я взял громадный кусок ватмана и принялся покрывать его расчетами и диаграммами, пока наконец у меня не родилась собственная версия относительно местонахождения пещеры (я все это сфотографировал и загнал в Evernote вместе с фотографиями). Такие художества обычно висят в гараже человека, которого арестовывает полиция, подозревая, что он кровожадный маньяк, терроризирующий всю округу последние десять лет. Но тогда мне казалось, что я на верном пути.

В итоге я сузил поле поиска до четырехсот ярдов – ничем не примечательного и никого не интересующего участка реки, который был необычайно широк и глубок одновременно. Однако сначала нам нужно до него добраться.

Мы плыли уже час, как вдруг плот, до этого спокойно скользивший по воде, быстро понесло вперед.

– Скоро начнутся пороги? – догадался я.

– Ага, – ответил Дилан. – Лучше держитесь крепче.

Плот подпрыгнул, крутанулся на повороте – и нашим взорам предстала совершенно другая река. Вместо широкой водной глади нас встретил стремительный поток, раза в три уже, который несся на бешеной скорости, врезаясь в огромные валуны.

Не успели мы опомниться, как нас уже кидало из стороны в сторону. Плот то и дело подбрасывало, и он шлепался обратно на воду с такой силой, что у нас трещали кости. Еще один сумасшедший скачок – и плот накренился, так что правый борт оказался выше левого на два фута.

Мгновение – и Фезер рядом с нами уже не было.

– Твою мать! – заорал Дилан.

Он начал выкрикивать команды, стараясь увести плот влево, где река была поспокойнее, и вертел головой по сторонам, ища глазами Фезер. Выглядел он совершенно потерянным, отчего всем нам легче не становилось.

– Где же она? – проорала в ответ Молли. – Где...

И тут мы ее увидели. Она плыла параллельно нам, с легкостью управляясь с течением. Ловко обогнув торчащий на ее пути камень, она свернула в нашу сторону и несколькими уверенными взмахами преодолела расстояние до лодки.

Пьер протянул ей руку, Фезер схватилась за нее и взобралась на борт. На ее лице сияла широченная улыбка.

– Хочу еще!

Через несколько минут пороги наконец остались позади: узкий пролив вновь сменился широким водным простором, река более или менее успокоилась. Фезер была разочарована.

– Ты в порядке? – спросил я у нее.

– В порядке? Да я на седьмом небе! Дилан, нам сегодня еще встретятся пороги?

– Нет. И запомните все: если я говорю «держитесь крепче», значит вы должны держаться крепче. Здесь за вашу безопасность отвечаю я, это ясно?

Я подмигнул Кену:

– Жаль, что так вышло. Ты ведь надеялся, что это я сваюсь за борт и у нас получится отличное видео, да?

– Ясное дело, – кивнул он. – Но ничего – я подожду. От судьбы не убежишь, приятель.

Глава 9

– Так-то оно получше будет.

Вечер застал нас на маленьком клочке суши размером яров пятьдесят на двадцать пять, там, где стена каньона была пологой у основания. Мы с Кеном сидели на расшатанных складных стульях и созерцали противоположный берег, который представлял собой совершенно отвесную скалу. Солнце на прощание не жалело лучей, и стены каньона пылали на фоне потускневшего неба, словно охваченные огнем.

Неописуемое зрелище. И умиротворяющее – особенно если, подобно нам, наслаждаться им на сытый желудок. А дело в том, что, помимо стульев и трех крошечных палаток (последние мы единогласно решили отдать в распоряжение женской части нашего коллектива; Джемма, правда, долго не могла определиться, стоит ли ей воспринять это как оскорбление и обвинить нас в сексизме или промолчать и провести ночь в тепле, но в итоге все-таки остановилась на втором варианте), на лодке нашелся переносной гриль. После того как мы разбили лагерь, Дилан вооружился щипцами и лопаткой, достал из холодильника шпашки с нанизанными на них кусками ягнятины и курятины, и вскоре в воздухе разлился такой аппетитный аромат, что у всех без исключения громко заурчало в животах.

На природе, бесспорно, любая еда кажется вкуснее, одна-

ко в нашем случае это была не единственная причина: выяснилось, что Дилан целый год работал личным шеф-поваром где-то в Средиземноморье и потому мясо жарил с полным сознанием дела. Даже Фезер, которая – вот так неожиданность – оказалась веганом, не осталась голодной: для нее нашлись многочисленные контейнеры с салатами, один взгляд на которые говорил, что приготовлены они явно не любителем. И даже когда все прочие, сыто потягиваясь, расползлись кто куда, Фезер, у которой нос и лоб ярко пылали от долгого пребывания на солнце, по-прежнему сидела за столом и что-то жевала.

Дальше – лучше. Еще до начала экспедиции Кен заявил, что «насухую» работать не собирается, поэтому в путешествие с нами отправился холодильник с несколькими бутылками водки, одну из которых мы с ним вдвоем сейчас и распивали.

– Жить можно, – согласился я.

– Что там за история с окраской?

Вид у нас перед глазами менялся каждую минуту: солнце, садившееся все ниже, подсвечивало то красные полосы, то оранжевые, то коричневые, заставляя их отчетливо проступать не только на стенах скал, но и на валунах, лежащих на берегу.

– Это минеральные отложения.

– Сам знаю, балбес. Я про другое: нам ведь нужен кусок скалы какой-то особенной окраски?

– Значительная часть этой стены так называемого Мраморного каньона состоит из кристаллического сланца Вишну. Этому минералу два миллиарда лет, залежи образуются в недрах земли, на глубине десяти миль. Под давлением он спрессовывается, становится относительно твердым и приобретает темно-коричневый цвет. Но согласно Кинкейду, вблизи пещеры порода залегает не горизонтальными слоями, а «пятнами». Что сужает поле поиска до сектора протяженностью в пять миль.

– Пять миль сплошной каменной стены – за пару часов тут точно не управишься.

– Согласно моим расчетам, нам нужен участок всего-то в четверть мили. Его координаты Молли и сообщила Дилану, и, по его мнению, мы будем там завтра утром.

Кен подмигнул:

– Выходит, завтра у нас великий день. К вечеру, глядишь, изучим всю пещеру вдоль и поперек.

– Ха-ха.

Спустя некоторое время я, ни разу не запнувшись, выдал очередную порцию слов на камеру, а после устроился на большом валуне, чтобы в одиночестве выпить кофе и покурить. Вскоре я услышал, как в мою сторону кто-то идет.

– Не бойся. – Это была Джемма. – Я не стану набрасываться на тебя с неудобными вопросами. Просто отсюда открывается отличный вид.

Я подвинулся, и она примостилась рядом, в паре футов от меня. С минуту мы сидели молча, вглядываясь в сгустившиеся сумерки и слушая шум воды.

– Но все же один вопрос у меня есть, – сказала Джемма.

– Какова вероятность того, что мы снова подеремся?

– Практически нулевая. Чем тебя привлекают все эти загадки истории? Только избавь меня от своего коронного «главное – процесс поиска, а не результат». Давай начистоту: большинство тайн, за которые ты берешься, никогда не будут раскрыты. Разве тебе не обидно?

– Нет, – ответил я. – Стоит тебе заполучить в свои руки стопроцентный факт – это конец. Дело закрыто, отныне ему место в архиве – как и тебе самому. Если не хочешь, чтобы разум впал в спячку, бейся над неразрешимыми загадками.

– Не вижу связи. Разве новые горизонты открывает нам не познание истины?

– Истина всегда многогранна. Возьмем, к примеру, миф о Всемирном потопе – коль скоро уж ты сама недавно упомянула Ноев ковчег. Он существует у многих народов по всему земному шару, и отмахнуться от этого не получится. Нужно задуматься над причинами.

– Назови хотя бы одну.

– Я назову три. Первая: можно предположить, что когда-то человечество столкнулось с природным катаклизмом – настолько масштабным, что свидетельства о нем сохранились в разных уголках планеты в виде устных преданий, ко-

которые со временем оформились в миф.

– Да, но ведь никаких доказательств того, что этот катаклизм имел место, нет?

– Вообще-то, есть, хотя официальная наука их и не признает. Кому захочется заявить во всеуслышание: «Библейский потоп не выдумка!» – и прослыть сумасбродом? Однако, даже если закрыть глаза на результаты исследований, длившихся не одно десятилетие, нельзя не согласиться с тем, что потепление климата в конце ледникового периода вызвало поднятие уровня мирового океана. Прибрежные деревни смыло, многие заселенные территории оказались под водой – вспомним хоть тот же Доггерленд в Северном море. Но можно зайти и с другой стороны: существуют подтвержденные наукой данные о повышении уровня воды в районе нынешнего Ирака и Персидского залива – а десять тысяч лет назад эта область была колыбелью цивилизации, – на основании которых мы делаем следующие выводы: распространение мифа о потопе связано не с глобальной катастрофой – его принесли с собой народы, пострадавшие от наводнения на своей родине. Но даже если и так, факты говорят о том, что в древности люди перемещались с места на место намного быстрее, чем принято считать в традиционной археологии.

Кажется, Джемма всерьез задумалась.

– На худой конец, – продолжал я, – можно пойти по юнгианскому пути: допустим, что сама идея потопы (который

всегда посылается человечеству божественными силами как наказание за непослушание, о чем говорится и в Библии, и в Коране, и в «Эпосе о Гильгамеше», и в вавилонском мифе об Атрахасисе) не что иное, как метафора архетипического страха, глубоко укорененного в психике человека, – страха социального коллапса, всеобщего хаоса и последующего зарождения новой системы. А чего это ты так ухмыляешься?

– Когда ты в ударе, то начинаешь говорить умные вещи. Я даже немного сбита с толку.

– Я лишь хотел донести до тебя мысль, что любое из этих объяснений может оказаться истиной и пролить свет на историю человечества. Однако наша замечательная наука смотрит на мифологию свысока, считая и Ноев ковчег, и Всемирный потоп «выдуманной хренью докомпьютерных времен». И это самое омерзительное: вместо того чтобы просвещать, ученые ведут себя как служители религиозного культа. Дескать, заткнитесь и уверуйте в нашу истину, и плевать, что она идет вразрез с тысячелетними традициями и что добрая ее половина есть точка зрения сильных мира сего или очередное модное веяние. И да, кстати, еще мы оставляем за собой право в следующем году передумать. И через два года тоже. А как же иначе – наука ведь не стоит на месте.

– Но ведь люди и раньше заблуждались, – возразила Джемма. – Например, вплоть до Средневековья считалось, что Земля плоская.

– Вовсе нет. О несостоятельности этой теории говорил

еще Геродот в пятисотом году до нашей эры. А сама идея плоской Земли была выдумана писателем Ирвингом Вашингтоном и историком Эндрю Диксоном Уайтом с целью бросить вызов религиозным догмам.

– Ага, очередной чудовищный заговор в действии, да?

– Смейся, если хочешь. Но я считаю верхом самонадеянности игнорировать мудрость, накопленную человечеством в течение многих тысячелетий, слепо доверяя научным концепциям, которые как были, так и остаются не более чем теориями. Мы, люди, прошли долгий путь, чтобы стать теми, кто мы есть, а не вдруг, как по волшебству, поумнели за столет.

Услышав позади какой-то звук, мы обернулись: на соседнем камне стояла Фезер и хлопала в ладоши.

– Браво! – произнесла она.

Я лишь скромно пожал плечами. Так угодить спонсору – ай да Нолан, ай да молодец! Жаль только, Кен с Молли этого не видели.

Вспомнить бы потом еще, что я тут наговорил.

Из архивов Нолана Мура. Мраморный каньон. Старая фотография (дата съемки неизвестна)

Глава 10

Как же я замерз той дьявольской ночью!

Окончательно не окоченел я только потому, что забился в спальный мешок, свернувшись калачиком и не шевелясь, дабы не тратить понапрасну драгоценное тепло собственного тела. Заснул почти сразу, как улегся (день выдался богатым на физические упражнения, которые совершенно не вписываются в мой стиль жизни. Мне нравится эта формулировка – «стиль жизни»), однако меньше чем через час проснулся – как раз вовремя, чтобы засунуть назад в спальник почти обледеневшую голову.

Пробудившись в третий раз, я сел и закурил. Вскоре глаза, привыкшие к темноте, различили Дилана и Пьера, которые не стали рисковать и высовываться из своих мешков. В отличие от Кена. Но того грела канистра выпитой накануне водки, так что навряд ли он ощущал какой-либо дискомфорт.

Я снова прибегнул к проверенному методу – нырнул в спальник с головой, и пару часов мне удалось худо-бедно покемарить. Проснулся я в половине пятого и больше уже заснуть не пытался. В ожидании, когда наконец взойдет солнце и стены каньона снова приобретут трехмерность, я уставился на звезды, поблескивающие на безоблачном небе холодными голубыми огоньками.

Уже занимался рассвет, когда я почувствовал рядом чье-

то присутствие. Понятия не имею, откуда это чувство взялось. Я повернул голову, не сомневаясь, что увижу нашу вечно организованную Молли, проснувшуюся раньше всех, чтобы как следует подготовиться к новому дню.

Но я ошибся.

Это была не Молли. Там вообще никого не было. Все наши по-прежнему спали, никто не выходил из палаток, не вылезал из спальных мешков.

Но ощущение, будто я не один, меня не покидало.

Я принялся вертеть головой по сторонам, внимательно рассматривая наш маленький пляж и скалы на противоположном берегу. Никого. Само собой. Нелепо даже думать о том, что кому-то еще приспичило забраться в такую даль от цивилизации да еще и следить исподтишка за мной.

За всеми нами.

Тут мне вспомнилась легенда индейцев хопи о том, что в самых глубинах Гранд-Каньона есть пещера, в которой живет бог Маасо – «страж смерти». Именно поэтому некоторые районы каньона имеют дурную репутацию: якобы в них постоянно происходят несчастные случаи, а людей зачастую охватывает необъяснимая паника.

Я не стал рассказывать эту легенду, когда мы начали спуск по тропе, по той же самой причине, по которой в свое время умолчал о ней и Пауэлл: я был уверен, что там нет и толики правды, а аборигены все выдумали лишь для того, чтобы чуваки держались подальше от некоего священного места.

Но эта уверенность не помешала мне встретить рассвет с радостью и облегчением.

Наконец остальные тоже начали просыпаться. Первым встал Дилан. Кивнув в мою сторону, он отправился готовить завтрак, и вскоре холодный воздух наполнился запахом жареного бекона. Вчерашние посиделки особенно сплотили наш мужской коллектив, и я даже подумывал о том, чтобы сегодня дать Дилану шанс блеснуть перед камерой.

Судя по темным кругам под глазами коллег, не у меня одного выдалась непростая ночь. Палатки оказались не более существенной преградой для чудовищного холода, чем спальники. Что до Кена, то он выглядел как обычно – то есть как потрепанный жизнью старый черт, правда из той особенной, неубиваемой породы старых чертей, которые даже после ночевки на дне Гранд-Каньона попивают кофе с таким невозмутимым видом, словно бы проснулись у себя дома в теплой постели.

После завтрака мы снялись с лагеря и в предвкушении новых приключений отправились в путь, бодро налегая на весла.

Однако к трем часам дня мы кое-что поняли.

Здесь ничего нет.

Ничего, кроме сногшибательных природных красот, если быть точным, но мы-то тащились сюда не для того, чтобы

полюбоваться пейзажами. Мы искали пещеру Кинкейда.

А ее здесь не было.

Мы гребли четыре часа, изнемогая от жары; нас снова вынесло на участок с сильным течением, хотя и не таким сильным, как в прошлый раз; благополучно преодолев его, мы потом еще час плыли по спокойной реке. И вот наконец GPS сообщил, что мы на месте.

Разделив гигантскую стену на горизонтальные полосы, мы тщательно всматривались каждый в свою, пока плот медленно скользил вдоль берега.

Ничего не обнаружив, мы не пали духом, а развернулись и поплыли в обратном направлении, все так же изучая стену.

Затем снова развернулись, но на этот раз поменялись полосами – вдруг уставшие от однообразной картинки глаза заметят что-то новое? Но все тщетно.

Тогда Молли предложила рассмотреть стену под другим углом. Мы послушно направили плот к противоположному берегу и принялись старательно вглядываться в отвесную скалу с расстояния в восемьдесят футов, однако вскоре убедились, что угол зрения тут ни при чем.

Мы поплыли обратно, потом снова спустились по реке, вновь поднялись и наконец остановились где-то посередине зоны поиска.

Ничего. Нас окружали лишь скалы – разноцветные, выщербленные, зазубренные и уже порядком нам осточертевшие. Два часа мы бесцельно гоняли плот туда-сюда, изнывая

под палящими лучами солнца.

Но так и не обнаружили даже намека на эту проклятую пещеру.

Как правило, в наших провалах винить некого – точнее, виноваты все понемногу: сработали каждый во что горазд, и вот, пожалуйста, результат. Но мы не унываем: попытались счастья – уже хорошо, спасибо нам. Однако сейчас все было по-другому: я не мог отделаться от ощущения, что это я всех подвел – всех этих людей, которые безропотно следовали за мной, обгорая на адском солнце.

Пьер навел на меня камеру, я встал и поднял голову, устремив взгляд на исполинскую стену, и мне стало совсем паршиво.

Когда мы закончили, Кен спросил, не снять ли нам второй дубль. Я помотал головой, сел на свое место и достал сигарету.

– Дилан, только не начинай опять.

Проводник уже несколько раз пресекал мои попытки закурить, однако сейчас, видимо, решил, что для нотаций время не самое подходящее.

Боевой дух экипажа нашего судна, и без того держащийся на волоске, был сломлен почти окончательно, когда до всех дошло, что в отель мы сегодня не вернемся. Некоторые восприняли перспективу снова заночевать в каньоне с завидным спокойствием и даже – в случае Фезер – с энтузиазмом, но не

все. Молли, всегда смело глядевшая в лицо любым превратностям судьбы, неимоверно страдала от полчищ комаров и потому никакого восторга от сложившейся ситуации не испытывала.

– То есть сегодня выбраться из этой глуши нам вообще не светит? – спросил Кен у Дилана.

– Ни при каком раскладе, – подтвердил тот, покачав головой.

Кен решительно кивнул:

– В таком случае у меня созрел новый план. Мне нужно выпить, поссать, потом еще выпить и снова выпить. Вы меня поддерживаете или нет? Напоминаю: зарплату плачу вам я, поэтому советую выбрать первый вариант.

Ребята пробормотали, что согласны, старательно изображая воодушевление.

– Эй, Нолан, да не расстраивайся ты так, по крайней мере мы попытались, – подбодрил меня Пьер.

– Ага, – ответил я. – Спасибо.

Кен хлопнул меня по плечу:

– Ты ведь знаешь, приятель, что мы должны сделать перед тем, как свернем лавочку. Только давай с первого дубля, ладно? Мне и правда надо отлить.

Они с Пьером поменялись местами, чтобы оператор мог снимать сидя, держа камеру низко, отчего великанская стена за моей спиной казалась совершенно невероятной. Молли, опершись коленями о соседнюю лавку, подняла над моей го-

ловой микрофон. Глядя на ее лоб, можно было бы подумать, что его жгли паяльной лампой.

— Ну что ж, — начал я, нацепив самую беспечную улыбку из своего арсенала. — Похоже, мы столкнулись с очередной загадкой человечества, которой суждено остаться неразгаданной, во всяком случае пока. Наши постоянные зрители уже знают — такое иногда случается.

— Скорее уж, всегда, — пробурчала Молли, а Джемма, стоявшая передо мной, тихонько хихикнула.

Я сделал вид, что ничего не заметил.

— Но это не повод для разочарования. Ведь то, что нас вдохновляет, дает импульс для развития не только самих себя, но и нашей культуры, — это не ответы, вовсе нет. Это наши попытки найти их. Главное — продолжать искать. — Краем глаза я видел, что Джемма шевелит губами, точно воспроизводя эти слова одновременно со мной. Интересно, а если я столкну ее за борт, это дело удастся замять?.. В любом случае нужно будет попробовать.

— Итак, вы сами читали отчет Кинкейда, — упрямо продолжал я. — Вы знаете о пещере. И теперь все зависит от вас. Я не собираюсь никому навязывать свое мнение — я призываю вас составить собственное. Думайте. Задавайте вопросы. Верите ли вы в то, что нам рассказывают об истории Америки и всего человечества? По душе ли вам тот факт, что официальная наука игнорирует любые идеи, не вписывающиеся в рамки удобной ей концепции? Если нет, то дайте мне знать в

«Твиттере» или на «Фейсбуке». И прежде всего, помните...

– Стоп, – прервал меня Пьер.

Я метнул в него испепеляющий взгляд. Если он с чем-то напортачил, нам придется заново снимать весь этот стыд и срам, а я, честно говоря, и так был уже на пределе.

Однако оператор, оторвавшись от видеоискателя, глядел куда-то мимо меня.

– Что это там?

– Все та же унылая хрень, на которую мы как дураки плялились целый день, – взорвался я. – Какого черта, Пьер?

– Нет, – возразил он. – Вон там, наверху?

Я развернулся и посмотрел туда, куда он показывал пальцем. Еще одна скала: высокая, очень высокая, с полосатой поверхностью... Всего-то.

– Слушай, Пьер, если ты решил, что сейчас самое время повеселить публику, то здорово прогадал с моментом. К черту все это. С меня хватит. Остальное допишем на берегу.

– Ну-ка погоди, – сказал Кен, поднимаясь с лавки. – Эй, капитан, можешь сделать так, чтобы нас не очень качало?

– Кен, если ты не заметил, у меня сегодня неважно с чувством юмора, так что...

– Замолкни, Нолан. И присмотришь хорошенько.

Я снова развернулся. Кен указывал на нижний уровень скалы, примерно четвертую ее часть, где, помимо отложенных пород, виднелись многочисленные пятна. Выглядело это так, словно какой-нибудь циклоп выплеснул здесь на стену

содержимое огромной чашки кофе.

И вдруг, буквально на какое-то мгновение, среди этих гигантских брызг появилась крошечная, более темная, точка.

— Она то исчезает, то появляется, — заметил Пьер. — Слишком мелкая, плюс лодка движется, да и освещение постоянно меняется.

— Я ничего не вижу, — произнесла Молли, щурясь от солнца. — А вы точно... Ой, вон она! И правда.

Теперь уже все мы стояли, вглядываясь в стену. Дилан сделал что-то с передними веслами, и на полминуты плот почти замер на месте.

— Тебе как профессионалу, конечно, виднее, — шепнул мне Кен, — но по мне, так это вполне даже смахивает... на какую-нибудь пещеру.

Глава 11

Для лагеря выбрали крошечный участок суши в излучине реки, который попался нам на глаза минут через двадцать после того, как мы отплыли от нашей находки. Он был наполовину скрыт нависающей над ним скалой и располагался под таким углом, что закатное солнце светило прямо на него. Хотелось верить, что за день камни накопили достаточно тепла, чтобы ночью – хотя бы в первой ее половине – мы не замерзли насмерть. Молли сменила гнев на милость, да и общее настроение в группе было приподнятым, хотя радовались все с осторожностью: мало ли что мы там сегодня нашли. И тем не менее радовались: нашли ведь, не ушли с пустыми руками, вот что главное.

После того как все вещи были вытащены на берег, мы втроем – Пьер, Кен и я – примостились в тени булыжника, чтобы без помех рассмотреть отснятый материал. Стена каньона в максимальном приближении выглядела размыто, покачивание лодки тоже не прибавляло картинке четкости, однако никаких сомнений быть не могло: в скале имелась небольшая расщелина.

Она находилась всего в трехстах футах над поверхностью воды, то есть намного ниже, чем рассказывал Кинкейд, но это лишь подтверждало мое подозрение: в своем отчете исследователь постарался запутать следы. Правда, три сотни

футов – высота в любом случае приличная.

А учитывая, что расщелина располагалась в тени скального выступа, различить ее снизу можно было лишь под чрезвычайно узким углом.

– Пьер, ты молодчина, – сказал я. – Можно было бы за просто проплыть мимо, так ничего и не заметив. Я уж думал, придется возвращаться несолоно хлебавши.

– Мне просто повезло, – ответил он. – К тому же ты привел нас в правильное место. Это ведь та пещера?

– Та или не та, но что пещера – несомненно, – вставил Кен. – В худшем случае это просто пещера, которая еще никому не попадалась на глаза. Вопрос в другом: как мы в нее попадем?

Пьер перемотал запись назад и, постоянно нажимая на паузу, заново просмотрел определенный фрагмент.

– Заберемся по стене.

– Хрена с два, – возразил Кен. – Ты на меня посмотри!

– Да, это не так просто, – согласился Пьер. – Но стена по большей части вогнутая, в ней достаточно трещин и выступов, а значит, есть куда поставить ногу и за что ухватиться. Наденем перчатки для гребли. Если действовать осторожно – задача вполне выполнимая.

– Для тебя – может быть, – возразил я. – Но тут не все такие, как ты.

– Тогда я пойду первым, – спокойно ответил он. – Проложу маршрут. Не получится так не получится, тогда ты просто

придумаешь новый план. Но я точно знаю, что Молли занималась скалолазанием, а судя по тому, как вела себя в воде Фезер, она в приличной физической форме. О Джемме мне ничего не известно, но думаю, она тоже справится.

— Чудно, — сказал Кен. — А я у нее на плечах поеду.

Мы переглянулись и захохотали.

— Решено, — объявил я. — Давайте вскарабкаемся на эту стену.

До ночи было еще далеко. Мы с Джеммой сидели друг напротив друга у костра, разложенного возле самой воды. Каждый член нашей компании был занят своим делом. Молли щедро намазывала лицо гелем алоэ. Обнаружив, что баночка с бальзамом для губ пуста, она злобно выругалась. Фезер застыла в позе йога. Пьер менял батарейки в своей аппаратуре и скидывал отснятый материал на жесткий диск. Дилан, как ни странно, читал книгу. А Кен, развалившийся в походном кресле, просто созерцал звезды, курил сигарету из моих запасов и прихлебывал водку из на удивление невместительного стакана.

Джемма посмотрела на меня.

— Поздравляю, — произнесла она.

— Всем когда-то везет, не так ли?

Она закатила глаза:

— Да я вовсе не о том. Я имела в виду, тебе есть чем гордиться.

– Пока рано об этом говорить.

– А ты и правда серьезно относишься к своей работе.

– Да. Потому что не всегда то, с чем мы имеем дело, – выдумки на пустом месте, – ответил я. – Кстати, любопытно, как многие из этих загадок перекликаются друг с другом. Возьмем, к примеру, Тутувени.

– Что, прости?

– Переводится как «Газетная скала». На небольшом участке этой скалы, что находится на границе штата Юта, обнаружено пять тысяч петроглифов – они просто выскоблены на черной поверхности. Согласно официальной версии, это символы клана, которые более тысячи лет подряд вырезали там юноши племени хопи. Это была часть обряда инициации. И надписи якобы означают: «Я здесь во славу моего племени и моих богов, как бывали тут и мои праотцы до меня». Однако, помимо традиционных для хопи изображений, таких как койоты и кукурузные початки, встречаются и весьма причудливые. Например, отпечатки ног с двумя или шестью пальцами, напоминающие скорее отпечатки ладоней. Ну разве не странно? Ведь если человек вознамерился потратить немалое время на то, чтобы высечь на камне изображение руки или ноги, то, думается мне, он знает наверняка, независимо от «примитивности» его культуры, сколько пальцев надо нацарапать.

– Это могут быть отпечатки звериных лап.

– Назови мне хоть одно шестипалое животное.

– Слоны, – незамедлительно последовал ответ. – И гигантские панды.

– Ты шутишь?

– Вовсе нет.

– Допустим, но ни те ни другие не являются коренными обитателями северо-западной части США, согласна?

– А что, если раньше являлись? – спросила Джемма, заговорщически понизив голос. – Вдруг в древности здесь повсюду бродили стада непуганых панд, а мы об этом не знаем, потому что властям на руку наше дремучее невежество...

– Перестань. Суть в другом. Знаешь, что самое поразительное? Сейчас...

Я достал телефон и запустил Evernote. Приложение недовольно булькнуло, доводя до моего сведения, что связь с сервером отсутствует. Джемма пересела ко мне, и теперь, когда она была так близко, до меня вдруг дошло, что это не просто оппонент, которого я пытаюсь убедить в своей правоте, а самая настоящая женщина, из плоти и крови.

– А, ну удачи, – усмехнулась она, когда поняла, что я пытаюсь сделать, и указала рукой на темнеющее небо, исключавшее даже подобие сигнала.

– Связь мне без надобности. У меня в кэше тысячи страниц, и я хочу тебе показать... вот эту.

Я нашел изображение Газетной скалы и наклонил телефон так, чтобы Джемма могла его рассмотреть. Увеличив ту часть камня, которая была наиболее изрезана, я показал на

две фигурки, расположенные рядом друг с другом. Еще одна такая же виднелась чуть выше.

– На верхнюю пока не обращай внимания, – сказал я. – Не исключено, что это что-то более современное – слишком уж смахивает на граффити.

– Бог ты мой, – восхитилась Джемма, – а теперь в тебе говорит беспристрастный исследователь. Да ты полон сюрпризов, Нолан.

– Не так громко. Взгляни-ка вот сюда.

Обе фигуры были почти одинаковые: мощные треугольные тела, короткие конечности, широко расставленные ноги, словно бы поднятые к ушам плечи, увесистые кулаки – ни дать ни взять классические громилы.

– Какие жуткие, – заметила моя собеседница. – Это медведи?

– Не исключено. Вот только у медведей нет рогов. Да и не водятся медведи в этих краях. Хотя, может быть, их просто сожрали доисторические панды-мародеры.

Джемма рассмеялась, причем совершенно искренне, чего раньше я за ней не замечал.

– Так, подожди. – Она склонилась над экраном, наморщив лоб. – У одного рога изогнутые, а у другого – прямые и напоминают олени. И потом, у этого на каждой руке по четыре пальца, а у этого – по три.

– Вот именно. Нет никаких сомнений в том, что это изображение одного и того же существа, а различия в деталях

наводят на мысль, что этот образ не является неизменным символом какого-то клана. Скорее всего, рисунки выполнены двумя разными людьми, у каждого из которых было собственное представление о том, что он рисует.

– Хм... – Джемма задумалась. – И с чем это может быть связано?

– Куда из века в век, повинаясь священному обычаю, отправлялись все эти мальчишки из племени хопи? В место под названием Онгтупква, ныне известное как... Гранд-Каньон.

– Да ты просто кладезь нетривиальных знаний.

– Это мое проклятье. Думаешь, мне нравится выглядеть в глазах хорошенькой женщины занудой и психом?

Она вскинула одну бровь:

– Вы что, заигрываете со мной, сэр?

– Нет, – ответил я, – но если вдруг соберусь – дам знать, чтобы ты могла заранее подготовиться и отвергнуть меня, как и подобает девушке из приличного общества.

– Ой, да брось! – засмеялась Джемма. – Шестое чувство подсказывает мне, что тебе не привыкать просыпаться по утрам в номере какого-нибудь мотеля, на кровати среди скомканных простыней и задаваться вопросом: «А эта телка здесь откуда?»

– У твоего шестого чувства неверная информация.

– Да ну?

– У меня была жена.

– Знаю. А любовница?

– Нет.

– Похвально. А после развода?

– Мне хотелось доказать самому себе, что я все еще жив.

Вот я и доказывал. Это вполне естественно. Но вскоре понял, что выбрал неверный путь. И кстати, моя личная жизнь тебя совершенно не касается.

– У тебя сильный характер.

– У меня его вообще нет. Насколько я помню, именно это ты пыталась доказать мне вчера утром.

– Ничего подобного я не говорила.

– Но ты на это намекала.

Джемма отвела глаза.

– Да, – призналась она. – Но я склонна время от времени менять свое мнение. Взрослым людям, как известно, это свойственно. Ты тоже когда-нибудь научишься.

– Господи, Джемма! Так ты ради этого стала журналистом? Чтобы иметь возможность в открытую грубить людям?

Она засмеялась:

– Нет. Это просто приятный бонус.

– Ради чего тогда?

– Чтобы изменить мир.

– Вот оно что. Как благородно.

Джемма скорчила рожицу:

– Ну ладно, ладно. Представляю, как это звучит. Если в

двух словах, то дело было так. Однажды я слишком долго провозилась, собираясь в школу. Мне тогда было четырнадцать. Отец потерял терпение и повысил голос. А я воспользовалась случаем и устроила скандал. Зачем – до сих пор понятия не имею.

– Скандал ради самого скандала – для четырнадцатилетнего подростка это норма.

– Наверное. В общем, едем мы в школу, и всю дорогу в машине стоит гробовая тишина. Обычно первым шаг навстречу делал отец: спрашивал меня о чем-нибудь, и в итоге все заканчивалось веселой болтовней. Но только не в этот раз. Приехали. Я открываю дверь, собираясь выйти, а он смотрит на меня и говорит: «Знаешь, почему сегодня я торопился больше обычного?» Я мотаю головой: не знаю, мол, и знать не хочу. «Потому что сегодня у меня важная встреча, – продолжает он. – Очень важная. И я надеялся сначала заскочить в кафе, чтобы спокойно выпить кофе и морально подготовиться к этой встрече. Но теперь у меня нет на это времени». А я уставилась на него и думаю: «Что? Seriously? Ты хочешь сказать, что раздул из мухи слона (точнее, не совсем так. То есть совсем не так – он-то как раз ничего не раздувал) просто потому, что ты кофе попить не успеваешь?» И я все это ему высказала. И не только это. Я накинулась на него, обвиняя их с мамой в том, что они заботятся только о себе, а на меня им плевать, и прочее в том же духе.

– А он что?

– А отец выслушал и кивнул: «Что ж, я тебя понял». Потом сказал, что любит меня и пожелал хорошего дня, а я хлопнула дверью и понеслась в школу, пылая праведным гневом.

Джемма замолчала, глядя куда-то в сторону.

– Оказывается, у папы был рак, – произнесла она наконец. – Он умер через десять месяцев. «Важная встреча» означала прием у врача, на котором ему должны были сообщить результаты анализов. Отец хорошо представлял себе, что его ждет.

– Вот черт!

– Ага. Но все закончилось благополучно, если можно так выразиться. У нас ведь еще оставалось время. Я умнела прямо на глазах. Увидела вдруг, что всегда заикливалась лишь на его недостатках: дескать, папа ничего не замечает, кроме своей работы, часто бывает отстраненным, нетерпеливым и так далее, до бесконечности. К счастью, за оставшееся время я успела понять: он никогда не бросал меня, когда действительно был мне нужен. И любил меня, по-настоящему любил. Мы расстались добрыми друзьями.

– А как же?..

– Не факт, что именно в тот день он и узнал диагноз. Он просто хотел выпить этот дурацкий кофе. Провести каких-то лишних полчаса, надеясь, что все это ошибка и он будет жить долго и счастливо. А я их у него украла. И этого уже не исправить.

– Все мы иногда ведем себя как сволочи, – сказал я. – Время от времени слетаем с катушек и в конечном итоге, наломав кучи дров, оставляем на поверхности этого мира следы, которые уже ничем не свести. Они-то и делают тебя тем, кто ты есть.

– В точку. Угадай, кем был мой отец? Правильно, журналистом. И хорошим. Писал глубокие статьи о воротилах в фармацевтике, о СПИДе. Он из кожи вон лез, чтобы изменить мир к лучшему. Боролся за правду. Уж он-то точно оставил после себя след.

– Вот как.

– Ну что, я ответила на твои вопросы? Включая и тот, который ты не задал вслух: почему меня интересуют только факты, а не выдумки на пустом месте?

– Думаю, да. А с матерью вы ладите?

Она налила себе еще водки.

– Уже нет. После смерти отца я узнала о нем еще кое-что: он умел превосходно хранить секреты. Например, я даже не подозревала, что мама пьет. Неудивительно, что наши с ней отношения разладились. Когда мне было двадцать, она погибла в автокатастрофе.

– Проклятье, ты серьезно?

– Нет, – ответила Джемма. – Они оба живы и здоровы, а я просто морочу тебе голову.

И ушла.

Кен смотрел ей вслед.

– Она тебя провоцирует, – заметил он, когда Джемма скрылась в своей палатке. – А ты и рад стараться.

Я вздохнул:

– Знаю.

– Эй! – окликнула нас Фезер.

Мы обернулись. Оказывается, все это время Фезер сидела на песке, чуть поодаль от нас. Она поднялась на ноги и приблизилась к костру. Вид у нее был неуверенный и даже застенчивый.

– Можно мне тоже посмотреть на эту Газетную скалу?

Я протянул ей телефон. Она неловко ткнула в экран.

– Ух ты! Да у тебя здесь целая библиотека. Ты не против, если...

– Не стесняйся.

Она принялась прокручивать изображения вверх-вниз, вчитываясь в текст под некоторыми из них.

– Когда я была маленькая, – вдруг сказала Фезер, – бабушка часто говорила мне: «Каждому из нас нужно во что-то верить». Именно этим вы и занимаетесь, Нолан, – даете людям то, во что они могут верить. Но я уже давно поняла, что не все такие, как мы с вами. Некоторые сомневаются во всем, что видят и слышат, и этим счастливы. – Она отдала мне телефон и заключила: – Мне жаль этих людей.

И снова я проснулся среди ночи.

Высунув голову из спальника, я подполз к стене каньона и уселся, опершись о нее спиной. Все остальные спали крепким сном. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь монотонным плеском реки, несущей свои воды из пункта А в пункт Б, с упорством, не изменившим ей с незапамятных времен и явившимся причиной всего этого захватывающего дух великолепия.

В какой-то момент я поймал себя на том, что нервничаю. К ощущению невидимой угрозы, преследовавшему меня прошлой ночью, примешивалось также и волнение перед завтрашним приключением. Во-первых, я не очень люблю забираться на высокие объекты. Они порой оказываются выше, чем ожидаешь. А во-вторых, в кои-то веки нам выпал реальный шанс, и, если мы и правда найдем что-то стоящее, придется думать, как быть с этим дальше.

Безуспешно пытаюсь отогнать тревожные мысли, я вдруг понял, чего хочу больше всего на свете. Раньше я всегда прибегал к этому способу, чтобы развеять сомнения и успокоиться, и он действовал безотказно.

Поговорить с Кристи.

Моя мать умерла, когда мне было тридцать. В последующие годы я осознал, что существенная часть меня ушла вместе с ней, поскольку отец, как выяснилось, почти ничего не помнил о моем детстве. И если лишиться матери – это все равно что сжечь личную Александрийскую библиотеку, то не иметь возможности посоветоваться с женой – практиче-

ски то же самое, что потерять связь со старым другом-корреспондентом, с которым вы бок о бок, ни на минуту не расставаясь, прошли войну, испытав на своей шкуре все ее прелести. И пусть его заметки слишком субъективны и искажают истину (доказать этого ты все равно не сможешь, потому что твои собственные искажают ее еще больше), без этих воспоминаний твоя реальность становится плоской, ты чувствуешь себя словно бы наполовину опустевшим. Любому другому пришлось бы долго объяснять, что со мной, и к концу моей исповеди он посчитал бы меня идиотом или паникером.

А вот Кристи бы сразу все поняла.

Я достал телефон. Связь, естественно, не появилась, да и слава богу: посылать по ночам эсэмэски не самая лучшая идея. Тут я вспомнил про пост, который сохранил еще в отеле. Да, это окончательно подтвердило бы мою репутацию бесхребетного слюнтяя, но я все равно решил его прочитать.

Как же замечательно она пишет: лаконично и по существу. Итак, Кристи сейчас на Аляске, где в компании каких-то именитых геологов исследует влияние глобального потепления на вечную мерзлоту. С этой целью они измеряют температуру на разных ее уровнях, а также в недавно образовавшихся разломах. Кристи вообще известна своими статьями о проблемах окружающей среды, причем она всегда умудряется написать так, что даже скептики помалкивают. Дочитав до конца, я знал о заявленной теме несоизмеримо больше, чем раньше, однако не получил никакой новой информации

об авторе. Такова уж Кристи: никогда не привносит в работу ничего личного (сам я, как вы наверняка успели заметить, лишен подобной добродетели). Я был рад за нее, ведь она так долго к этому стремилась.

Я уже собирался выключить телефон и попробовать снова заснуть, как вдруг мое внимание привлекли несколько строчек внизу страницы, написанные мелким шрифтом. Я увеличил текст и прочел следующее:

«Мы хотели бы выразить признательность нашему спонсору, без поддержки которого эта экспедиция была бы невозможна».

Логотип спонсора я узнал без труда. Он принадлежал фонду Паленхема.

Из архивов Нолана Мура. Газетная скала, штат Юта
(фрагмент)

Глава 12

– Да ты что!

Фезер так и застыла с зубной щеткой в руке.

Было самое начало девятого. Все уже проснулись и спешно завершали утренние ритуалы: кто-то завтракал, кто-то пил кофе, а кто-то предавался заботе о гигиене. Мы решили не сниматься с лагеря: даже если в той пещере ничего нет (предположим, нам все-таки удастся до нее добраться), гарантий того, что мы быстро управимся и успеем вернуться к цивилизации, почти никаких. Дилан сказал, что сегодня вероятность появления визитеров в этой части каньона невысока, но ценные вещи все-таки лучше захватить с собой. Пока мы грузили на плот оборудование и припасы, Фезер сидела на камне и чистила зубы. Когда она закончила, я показал ей пост Кристи.

– Вот это да. Какое суперкрутое совпадение!

– А разве ты не знала?

– Ни малейшего понятия не имела. Фонд – организация крупная. Не в том смысле, что там работает много народа: просто он состоит из громадного числа маленьких подразделений, разбросанных по разным городам. Этот проект, скорее, научный. Не вижу ни одного знакомого лица. – Внезапно она погрустнела. – О, Нолан, прости.

– За что?

– За то, что я такая дура. Для тебя это, наверное, не слишком приятно. А я сижу тут, восторгаюсь в голос.

– Да нет, всего лишь немного удивился. Лежишь себе ночью, спокойно почитываешь, и вдруг такой сюрприз.

– Могу себе представить! И все же это совсем другая экспедиция. Гораздо скучнее нашей. Между нами говоря, это глобальное потепление – такое занудство.

– Ты и правда так думаешь?

Фезер рассмеялась:

– Конечно. Все о нем слышали, но не все в него верят. И что бы там ни нашли на Аляске, от этого ситуация не изменится. А вот то, что, возможно, обнаружили сегодня мы... о, это докажет сильным мира сего – и людям вроде нашей подружки Джеммы, – что вся история человечества – один сплошной обман. И все благодаря тебе, Нолан. Не кому-то еще, а именно тебе.

И, тепло улыбнувшись, Фезер убежала помогать остальным. А я глядел ей вслед и не мог избавиться от странного чувства, как будто мне все-таки удалось поговорить с Кристи.

Через час мы были у подножия стены, причем большая часть этого времени ушла на то, чтобы зафиксировать плот. По каким-то неведомым мне законам гидродинамики местами волны неистово хлестали о скалу, а местами царил совершенный штиль. В конце концов Дилан, Пьер и я умуд-

рились-таки привязать плот к выступающим кускам горной породы.

– Дай мне твою рубашку, – сказал Пьер.

– Что, прости?

Он снял футболку и выжидающе протянул руку в мою сторону. Я, как всегда на съемках, надел просторную рубаху светло-кремового цвета. И не надо смеяться – Кен говорит, что она идеально дополняет мой сценический образ.

– Мы оба в джинсах, – объяснил Пьер. – У нас обоих темные волосы. Я надену твою рубашку, снимать будет Молли – и получится, будто...

– Да бог ты мой, Пьер, – пробормотал я, – я не хочу первым туда забираться. Или создавать впечатление, будто я был первым.

– Но это же благодаря тебе мы нашли пещеру. – Пьер так и стоял, вытянув руку. – Так что ты у нас главная звезда.

– Делай, как он говорит, – рявкнул Кен.

Пока мы обменивались одеждой, я размышлял о том, что, возможно, совсем скоро мне предстоит серьезно пересмотреть свое отношение к Пьеру: если наш оператор не прекратит вести себя так благородно, я буду вынужден признать, что все это время меня бесили в нем лишь его молодость, вежливость и чересчур привлекательная внешность.

– Спасибо.

Снабдив Молли необходимыми указаниями, Пьер приготовился и, выждав момент, когда плот оказался вплотную у

стены, уверенно шагнул ей навстречу. Его руки и ноги моментально оказались там, где нужно, а взгляд профессионала скользнул вверх, оценивая маршрут.

– Будь осторожен, – попросил я.

– Хорошо, – пообещал он.

Вскоре стало ясно, что Пьер не ошибся: стена действительно оказалась не такой уж и неприступной. Он поднимался все выше, легко и быстро. Правда, время от времени замирал, прикидывая, куда двигаться дальше, и временами, вместо того чтобы карабкаться по прямой, зачем-то отклонялся в сторону. Потом я понял, что он выбирает маршрут специально для нас – пусть и длиннее, зато менее сложный.

Итак, одетая в белое фигура медленно приближалась к расщелине в скале, и чем выше она забиралась, тем меньше шансов было у зрителей заподозрить подмену. Молли снимала, как якобы я штурмую каменную стену, в то время как настоящего Нолана Мура уже начало подташнивать от этого зрелища, и я отвернулся.

– М-да. – Кен взял сигарету, которую я ему протянул. – По мне, так эта затея из разряда фантастики. Ты у нас хоть бегаешь по утрам, а я? Нет, черта с два я туда полезу.

– Каков же тогда был изначальный план? – спросила Джемма. – Вы ведь знали, что пещера находится высоко.

– Признаюсь тебе как на духу, милая, – ответил Кен, – и навряд ли мои слова разобьют Нолану сердце: я ни единой

секунды не сомневался в том, что мы уедем отсюда несолоно хлебавши.

– Какое откровение, – пробормотал я.

– Если верить Кинкейду, пещера должна находиться намного выше. Да, Нолан сказал, что этот тип мог и нарочно кое-чего приврать, ну да Нолан вечно мелет всякий вздор, поэтому лично я рассуждал так: если мы и вправду что-то найдем, то попросту скажем всем «продолжение следует», а потом вернемся с командой опытных скалолазов, и все дела.

– А вместо этого, – коварно улыбнулась Джемма, – вы сами будете скалолазами. Правда же здорово?

– Очень, – хором заверили мы ее.

Однако уверенности в наших голосах не было.

– Плевое дело, – заявил Пьер, спрыгнув в лодку. Хоть он и вспотел, но почти не запыхался. – Последний отрезок пути самый легкий, подниматься будем по прямой, и это хорошо, потому что в конце все уже порядком выбьются из сил. В общем, пара пустяков.

– Уверен?

– Это как тропа средней сложности, где все время надо карабкаться в гору, что, кстати, не идет вразрез с данными Кинкейда. Правда, расстояние до его пещеры было раза в три-четыре больше. Но он мог и ошибиться в расчетах.

Мы с Кеном переглянулись.

– Да серьезно, Нолан, с этим даже моя мама справится.

– Ты вроде рассказывал, что она забиралась на Эль-Капитан?

– Это было давно. И она едва одолела половину маршрута.

– Вот ленивая клуша! – фыркнул Кен.

– Эй, полегче! Думаешь, это так просто?

– Он пошутил, Пьер.

– Ясно. Ну хорошо: даже твоя мама легко с этим справится.

– Сомневаюсь, что это было бы ей под силу, – вздохнул я. – Даже при жизни.

– Вот черт, ну я и ляпнул. Прости, молчу.

– Так как же в итоге мы собираемся взять эту высоту? – спросил Кен, недоверчиво оглядывая стену.

– Пойдем все одновременно. – Пьер снял рубашку и протянул ее мне. – В паре ярдов друг от друга. На таком расстоянии человек позади меня будет видеть, что я делаю, за какие выступы хватаюсь. Есть пара неприятных участков, но я знаю обходной путь.

Кен некоторое время молчал, обдумывая услышанное.

– Вот проклятье! – Он повернулся к остальным. – Значит, так. Наш горный козел говорит, что цель вполне достижима. Само собой, я не собираюсь никого заставлять или упрашивать – даже тебя, Нолан, – но...

– Ни за что не пропущу такое приключение, – не дала ему договорить Фезер.

– Вперед и с песней! – подхватила Молли с невозмутимой

готовностью, на которую способны только спортивные калифорнийские барышни, выросшие в обществе двух старших братьев.

Джемма явно испытывала не больше энтузиазма, чем я, однако, пожав плечами, сказала:

– Я с вами. В конце концов, живем один раз.

– Я тоже рискну, – проворчал Кен. – Но пойду последним. Если уж и сорвусь, то никого, кроме себя, не прикончу.

И тут все вопросительно уставились на меня.

– Боже, – простонал я. Однако деваться было некуда.

Глава 13

Итак, первым пошел Пьер, за ним, на достаточном расстоянии, – Фезер. За ней – Молли, потом – Джемма. А за Джеммой – я. Я был почти уверен, что вот-вот раздастся крик: «Бывайте, придурки!» – и я увижу, как Кен отвязывает плот и радостно приказывает Дилану плыть назад, за брошенной водкой. Я даже не выдержал и посмотрел вниз, чтобы убедиться наверняка, однако Кен висел в двух футах подо мной, цепляясь мясистыми пальцами за неровности стены.

– Ненавижу тебя, – пропыхтел он.

Все вещи были распределены по рюкзакам, однако с учетом не тяжести, а значимости. Так, Пьер, к примеру, нес камеру и аккумуляторы, Молли – всевозможные примочки для звука. А мне достался рюкзак с сэндвичами. Выводы можете сделать сами.

С минуту мы, по совету Пьера, собирались с духом и привыкали к обстановке.

А потом полезли наверх.

Сначала это напоминало скорее прогулку по маршруту средней сложности. Минут через пятнадцать стало потруднее, однако стена была неровной, ее покрывали многочисленные выступы и трещины. Пьер не спешил и часто останавливался, чтобы дать нам возможность передохнуть и раз-

мать затекшие пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.